

— Слушайте! — встрепнулся Второй. — А что, если это они похитили яблоки еще во времена существования Империи?! А пока кремниты со своими скоростями докумекали, что яблоки исчезают не сами по себе, а при их непосредственном участии, они быстренько разрушили свою цивилизацию и умыли руки, а тут появились мы и попали под раздачу! Недаром он бессмертен: нажрался яблок до отвала, а мы теперь безвинно страдаем!

Маршалы гневно уставились на Кащей.

— У меня своя яблоня растет! — равнодушно ответил он. Маршалы стушевались. Кащей усмехнулся: — Вижу, вам не по нутру сельскохозяйственные работы! Конечно, украсть легче, чем вырастить!

— Яблоки растут триста лет!!! — возмутились маршалы. — А яблони и того больше!!!

— Значит, вы их все-таки своровали?

— Ну, в общем-то, взяли немножко, — покраснел Второй. — Среди нас многие хотели продлить себе молодость. А яблоки — это же настоящие растительные философские камни!!!

— И у вас от жадности шарики за ролики заехали! — догадался Кащей. — Сколько яблок вы украли? Тысячу, две? Десять тысяч?

Повисло молчание.

— Больше?! — выдохнул Кащей. — Насколько больше?!!

Четверка переглянулась. Первый пожал плечами: к чему теперь секретность? Остальные, скрепя сердце, с ним согласились.

— Почти весь урожай... — сказал Первый. — И не только яблок. Всего, что у них росло.

Касей потрясенно откинулся на спинку кресла.

— Но мы сделали это не сразу, а за целый век! — стал оправдываться маршал.

— Куда вам столько?!

— А то вам неизвестно, что современная высокотехнологичная аппаратура создана на основе и с использованием кремниевых растений?!! — В голосе Первого проскользнула легкая обида: мол, что за глупые вопросы?

— По сути дела, вы обрекли кремнитов на голодную смерть.

— Да что этим каменным истуканам сделается? — возразил Второй. — Они тысячу лет как стояли, так и простоят!

— А потом с них песок посыплется! — ехидно пояснил Кащей. — Думаете, им это понравится?..

— Понятно, что мы дали маху, — заговорил Четвертый. — Но теперь мы потеряли намного больше, чем приобрели!

— А что нужно от меня?

— Закрыть основные миры от переброски, как вы сделали это с собственным парамиром. Старинный тоннель-переход действует по неизвестной нам системе и не поддается расшифровке без запятанных в вашем мире знаний, иначе мы давно бы включили такую же защиту.

— А вы не пробовали просто вернуть им похищенное?

Четверка побагровела, побледнела, прошла по всему радужному спектру и чуть не лопнула от натуги. Вот что значит поставленный ребром вопрос.

— У нас почти ничего не осталось...

— Но вы колдуны!!! Наколдуйте!!!

— Мы пробовали: копии настолько хуже качеством, что никуда не годятся!!! Приборы с кремниевыми материалами создавались без помощи колдовства! Поэтому материалы быстро закончились!

Кашей задумался: если молодильные яблоки действительно пошли с Мира кремнитов, то там же может быть и разгадка его бессмертного существования и ключ к воспоминаниям его прошлого!

Маршалы терпеливо ждали его ответа.

— Вот что! — сказал он. — Вы должны перебросить меня в их мир.

Когда взрослые разбрались по своим делам, Эдик приступил к основательному допросу Иванушки, с ходу засыпав его вопросами:

— Слушай, не расскажешь мне, чем занимался твой дядя? А ты правда его племянник? У него кто, брат или сестра есть? А он правда самый страшный и живет среди вечных снегов?

— Нет, там живет Дедушка Мороз, — ответил Иванушка.

Следующая фраза друга его поразила.

— Ух ты! Классный у тебя дедушка! — восторженно отозвался Эдик. — А Снегурочка тебе кем приходится?

Короткая пауза.

— Внучкой Дедушки Мороза! — пробурчал Иванушка.

Интересная ситуация: он, когда попал сюда, думал, что сказка находится именно здесь, в этом мире. А Эдик, наоборот, думает, что сказка — это то место, откуда прибыл Иванушка.

— А ты помогаешь им подарки собирать на Новый год? — напирал Эдик. — А тебе что-нибудь остается, или все уходит другим? А мое письмо ты не читал, я его год назад отправлял, оно небольшое такое, я внизу елочку нарисовал, ее ни с чем не спутаешь.

— Стой!!! - воскликнул Иванушка. — Он мне такой же Дедушка Мороз, как и тебе. Он мне не родственник! И Кашей, то есть Странник, тоже, он просто... друг семьи, что ли.

— Seriously? — не поверил Эдик. — А как вы с ним познакомились? Он тебя хотел похитить в свое холодное царство? Чтобы сделать из тебя такого же злодея, как и он? Трезора, я вижу, он успел выдрессировать, — от его зеленых глаз мурашки по коже носятся, как угорелые! А тебя, наверное, не смог, и потому вернул домой? Я угадал?

— Не-а! — ответил Иванушка. — Попробуй еще раз!

— Ты победил его в споре?

— Нет.

— Ты узнал, где его смерть, и он за это решил сохранить тебе жизнь?

— Снова не угадал.

— Ну, я не знаю! — растерялся Эдик. — Ко мне никогда ни один злодей... ой, ну ты понимаешь... в дом не приходил и не предлагал знакомиться. Ему, наверное, скучно стало среди снегов?

— Он не живет среди снегов! — напомнил Иванушка. — погоди, Эдик, ничего не спрашивай. Я и сам толком ничего не знаю. Я просто захотел попить воды...

— И Странник тут как тут?

— Опять мимо.

— Нет, я так не играю!

— погоди, Эдик, я сам ничего не понимаю, честное слово!

К ним подошел Лофьен.

— Мальчики, я совершенно случайно обнаружил на тридцатом этаже аттракционы для детей сотрудников. И там по чистой случайности очень долго никого не будет — детей отправили на каникулы в Мир аттракционов. Намек понятен?

— Опять ужастики? — воскликнул Иванушка.

— Ни одного нет! — заверил его Лофьен. — Вход открыт круглосуточно.

Мальчишек как ветром сдуло.

— Значит, так! — говорил Кашей, обращаясь к маршалам. Большая толпа провожающих, в том числе и “группа поддержки Лофьена” в полном составе, стояла неподалеку. — Вы собираете остатки похищенных вами овощей-фруктов и по моему приказу перебрасываете их туда, где я буду находиться. Предупреждаю заранее: попадете мне собранным по макушке — я вернусь, и киборги покажутся вам сверхкультурными посетителями исторического музея!

Последние сводки с мест сражений показывали, что киборги нещадно ломали всю аппаратуру в захваченной зоне и воевали с войсками колдунов с попеременным успехом. Также поступали противоречивые доклады о волках, нападавших на киборгов разрастающейся не по дням, а по часам стаей, и о толпах зайцев с зеркалами, бегающих за волками.

Аналитики создали антизаклинание к недоработанному варианту формулы и теперь интересовались: не стоит ли подождать, пока волки перегрызут всех киборгов? Маршалы особенно заинтересовались странными волками и еще больше заинтересовались человеком, который придумал создавшее их заклинание. Узнав, что основные участники истории с волками находятся в буквальном смысле под боком, маршалы устроили им вежливый допрос первой степени, уделив особое внимание возможности создавать любые формы жизни. Мелодик посетовал на то, что формула еще не завершена, но под угрозой награждения званием полковника СОБ быстро отбросил сомнения и сказал, что не ляжет спать, пока не доведет заклинание до полной готовности, либо пока оно не доведет его до ручки.

— Простите меня, пожалуйста, — начал Мелодик. — Я могу наколдовать вам кремниевые яблоки. Мне осталось чуть-чуть доработать свое заклинание, и тогда...

— Это невозможно! — сердито заявил Второй. — Кремниевые продукты не поддаются копированию!

— Завтра в девять яблоки должны быть в Мире кремнитов! — перебил его Кашей. — Буду ждать.

— Напросился, юный гений? — хмыкнул Хранитель. — Беги, доделывай свое заклинание.

— И сделаю! — воскликнул Мелодик. — Волки ведь получились!

— Какие волки? — заинтересовались маршалы.

— Сол...

— Сгинь отсюда! — прошипел Лофьен. — Пока тебя самого не покусали...

Мелодик сообразил, что к чему, и исчез.

В Отделе разведывательной заброски стоял специальный переместитель, пробивающий линии в неизведанные парамыры и позволяющий перебрасываться в них без наличия в том мире необходимого переместителя. Его мощности хватало как раз на то, чтобы перебросить двоих первопроходцев со снаряжением или троих налегке. Либо один переместитель. Именно так Кашей и перебросили в Мир кремнитов, подальше от вездесущих киборгов, чтобы он мог сориентироваться на местности и действовать по усмотрению, не начиная индивидуальное вторжение с очередной бойни.

Но был в этом и маленький минус: город, куда его забросили, был полон молчания и тишины, что начинало действовать на нервы не меньше собственной амнезии. За неполную неделю побывать на нескольких планетах, посмотреть на разные цивилизации и почти в каждом мире, включая и свой собственный, набредать на пустые города! Варварство, слов нет!

Впрочем, этот город не был пустым. Он кишмя кишел памятниками людей самых разных возрастов, начиная от детей и заканчивая стариками. Кремниты, одно слово. Вот на скамеечке сидит пожилой кремнит, держа в руке каменную газету. Вот трое молодых с устремленными в неведомую даль глазами идут куда-то в далекое будущее. Фонтан с льющейся водой — настоящей, нормальной водой, льющейся, как в любом нормальном мире. Дети, бултыхающиеся в воде, — каменные, вода стекает по ним, как по обычным камням. А вот птиц нигде не видно. Ни простых, ни каменных. Оно и понятно: притяжение планеты не позволит им

парить в воздухе, совершая по одному взмаху крыльями в неделю. Оригинальная цивилизация, ничего не скажешь.

Кашей поставил себя на место детей, пытаясь понять, что они чувствуют, купаясь в невероятно подвижной для них воде? Брызг не поднять, потому что вода будет огигать их руки куда быстрее, чем они будут ее толкать. Любой шторм не будет замечен кремнитами, потому что для замедленных организмов он пройдет в сотые доли секунды.

Интересно, а что они пьют, если вода успевает испариться из стакана задолго до того, как они поднесут его ко рту?

А проблемы с пылью? Тот же старичок, пока прочитает строчку, по идее успеет покрыться метровым слоем пыли вместе с газетой. И не он один. Все кремниты должны зарастить пылью так, что увязнут в ней по самые макушки. Вон в закрытом замке сколько лет не убирали, так ее накопилось — что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Однако кремниты существуют не меньше, и не видно, чтобы кто-то из них превратился в пылевой сугроб. Все чистенько, гладенько, словно кто-то добровольно убирает здесь каждое утро,

А что, если пыли здесь попросту нет? Не предусмотрено. Магнитное поле сильное, или еще что-то в таком духе. Стерильная планета.

Пусть стерильная, уговорили.

Но скажите на милость, кто и как сумел построить фонтан с бегущей в реальном времени водой? И какой в этом смысл, если за столетия вода попросту испарится? Неизвестно, заметят ли купающиеся ее присутствие вообще. Ну, пожурчит водичка, а солнце-то жаркое. С другой стороны, для чего этот злополучный фонтан нужен без воды?

А раз они плещутся, то воду вроде бы замечают. И по той же идее она не замерзает. Иначе бы они то и дело покрывались слоем льда или обрастали сосульками. Но весной лед таял бы и распадался на куски: настоящий контрастный душ — максимальные перепады.

Но колдуны ни разу не обмолвились о том, что собирали овощи-фрукты, пробираясь к ним по пояс в снегу. Значит, планета вращается под другим углом, не так, как другие Земли. Постоянное лето, как на Каменной-6. Это здорово. А вот как быть со сменой дня и ночи? Наверное, кремниты считают само собой разумеющимся делом, что солнце и луна носятся по небосводу как заведенные, с прилично набранной скоростью. Или планета и сама вращается медленно-медленно, под стать образовавшейся на ней жизни.

— Что ни мир, то головоломка! — вслух подумал Кашей. — Как будто людям простых баталей не хватает. Надо обязательно запудрить мозги так, чтобы извилины в кучу заплетались.

— Гав! — согласился Трезор, отыскивая объект охоты.

Никаких объектов — сплошные монументы. Лаешь на него до посинения, а он и не почувствует, что его тут крыли на чем свет стоит. Толку от этого — охрипнешь, и ничего больше.

И тут Кашей увидел то, чего сразу не заметил, и чего никак не ожидал увидеть: птицу.

Не бегающего страуса и не ковыляющего пингвина, а обычного городского голубя. И не

сидевшего ни на земле, ни на ветке. Летевшего.

Каменный, крыльями не машет, но в воздухе висит и падать не собирается. Нахально смотрит вперед и знать не знает о том, что должен был уже тысячи раз разбиться.

Кашей обошел вокруг птицы с полсотни раз, надеясь отыскать блеснувшую над ней нитку, но ниток не было. И крепить их в общем-то можно было только к облаку.

“А облака здесь тоже каменные? — пронзила Кашея страшная мысль. — Столкнет его по случаю тупой залетный колдун, рухнет так — отбежать не успеешь!”

Ужасающая перспектива.

Нет, вода-то была обычная. Стало быть, облака такие же. Вот и живи в мире с двумя плоскостями существования — не поймешь, что к какому относится. Так и придется шарахаться до самого отъезда?

— Трезор, поймай-ка мне птичку! — попросил он. — Охота понять, что ее там притягивает?

Он подбросил собаку, Трезор вцепился зубами в проигнорировавшего его хватку голубя и приземлился точно на шляпу читающего старичка. Пенсионер даже не пикнул, пристально вглядываясь в печатную букву. Кашей взял птицу и повертел, пытаясь найти причину ее летучести. Ломать не хотелось. Хватило и рассыпавшейся крысы. До сих пор небось зыркает глазищами на пепелище и думает, чем бы поживиться. Но одно перышко оторвать все-таки стоит. Для научного изучения в родном замке.

Оторвались два. Кашей отбросил одно на землю, но оно не упало, а немедленно взмыло на высоту, где до недавнего времени висела птица.

У Кашея отвисла челюсть. Он выпустил второе перышко. Эффект аналогичный.

— Это же антиграв!!! - воскликнул он потрясенно. — Настоящий антиграв!!! Трезор, ты понимаешь, это же биологический антиграв! Ничего себе, вот это номер!

Трезор радости открытия не оценил:

— Говори прямым мне текстом, что ты в птичке той нашел? Если это нам поможет, значит, это хорошо. Если нет, пошли отсюда, не серчай, мне в тягость здесь, словно в сонном государстве! Ну какой тут интерес?

— Как тебе сказать? — задумался Кашей. — Я думаю, именно с птиц все и началось... Наши антигравы. Ковры-самолеты. Метлы.

— Это значит, ковер нам отныне не нужен, нащипаем пера, на подушках взлетим?

— Нет! — засмеялся Кашей. — Сам видишь, перо взлетело на родное место. И птичка туда же юркнет. Смотри!

Кашей выпустил многострадального голубя. Тот повис так, как и висел до приземления, а перо встало именно на то место, где и было, пока его не вырвали. До него тоже не дошло, что оно отныне — вполне самостоятельный летательный объект. Лет через десять дойдет. Вот тогда и упадет.

Кашей на прощание выхватил газету из рук старичка, перевернул ее вверх ногами и вложил

обратно.

Узнать бы, о чем старичок подумает, когда до него дойдет смысл случившегося. Вот номер будет!

Конечно, бочки покатаются на расшалившихся киборгов.

Не на Кашея же, в самом деле!

— Нам тоже нужна своя машина! — в который раз повторил Кашей.

Как назло, до сих пор ни одной не встретилось. Попалась коляска с малышом и его мамой. Игрушечная платформа на колесиках. Машины кремнитам определенно не нравились. Они поголовно ходили пешком.

Хочешь не хочешь, а пора искать традиционное средство передвижения — ковер. Антигравы в наличии, пассажиров хватает, самого главного нет.

Зато магазины в мире киборгов были, значит, они не избежали злой участи неколдовских миров, и так же, как простые люди, пользовались деньгами.

— Жди меня здесь! — сказал Кашей Трезору, заходя в магазин, сквозь витрины которого были видны ковры.

По внутренним часам дело катилось к вечеру. Но солнце уже приличное время находилось практически в зените, и не думая оттуда сползать. Предположение о медленном вращении планеты получало первое подтверждение.

Трезор коротал время, расписываясь под каждым приличным деревом. Кремниевые собаки попадались им по дороге два раза, и в обоих случаях вместе с хозяевами.

Ковров было не счесть: развешанные от стены к стене, самых разных расцветок, длинные, как дорожки, короткие, как половички, широкие, узкие, толстые и тонкие — на любой самый взыскательный вкус. И все такие звенящие, негнибнущиеся — металлический прокат, а не ковры!

Легкий щелчок по краю ковра — и осколок, пронзив витрину, улетает в неведомую даль.

И не особо прочные.

Кашей хмыкнул. На его памяти покупатели просили отрезать несколько метров ткани, но наломать три метра ковра — это нечто из ряда вон.

Уронив ковер на пол, он добился неожиданного эффекта: само собой, приличный грохот, но еще и гора осколков в придачу. Вместо ковра по полу разлетелись крохотные половички. Прямо хрусталь, а не ковер!

Далеко не прочные.

— Ну приехали!!! — буркнул Кашей, отталкивая от себя носком ботинка упавший на него осколок. Ковры, выходит, существуют в кремнитском времени. — Никому не нужен цветной ковровый лом по дешевке?

Второй ковер оказался прочнее и не рассыпался, как первый, а просто пошел трещинами и разделился на две половины. Кащей приложился рукой к третьему: ковер загудел, но не сломался. Швырнул его на пол — выдержал. Оставив его, как первого претендента на использование в летательных целях, Кащей пробежался по рядам, скидывая ковры и топая по ним ногами. Большая часть оказалась хрупкой, как хрусталь под ударом кувалды, но штук пять выдержали первую проверку на прочность. После попытки их согнуть в живых осталось два ковра. Третье испытание прошел один-единственный ковер.

Кащей прикрепил к победителю, как награду, антиграв. Ковер приподнялся над полом, издавая звуки, как какая-нибудь толстая жестянка. Летать на нем оказалось неплохо, но вот вылететь из магазина... Он ни в какую не желал сгибаться до размеров витрины. А при определенном усилии просто сломался пополам, рассыпаясь хрупкими обломками.

— Дисквалифицирован! — Кащей отобрал антиграв, маячивший перед его глазами на крохотном кусочке коварного ковра.

...Семьдесят три ковра лежали грудой осколков, когда ему надоело ими сорить и разбрасываться. Решив для разнообразия разбить и другие вещи, он ударил по ряду с разномастными шторами. Звон поднялся, как на колокольне. Шторы изрядно помялись, но не рассыпались.

Луч света в темном царстве.

Оставалось подобрать расцветку по душе. Но черных штор с нашитыми на них золотыми черепашками не было. Пришлось брать, невзирая на расцветки.

Жахнув по витрине рулоном ткани, он открыл путь на свободу, измерил метраж, заскочил на штору и спокойно вылетел из превращенного в невесть что магазина.

Летать в открытом воздушном пространстве оказалось тяжелее обычного. Если простой ковер становился тверже, но все же сохранял некоторую гибкость, то штора пролетела над городом, как фанера над Парижем, то набирая высоту, то резко снижаясь. Ее толщина одновременно играла на руку и создавала лишние проблемы. Настроить ее на точную перпендикулярность ветру не получалось. Антиграв не справлялся с воздушным течением, постоянно лавируя.

Трезор постепенно принимал цвет собственных глаз. Кащейю и самому не нравилась морская качка высоко в небе. Падать тоже высоковато, не на корабле все-таки.

От очередного завихрения штора закрипела и пошла трещинами. Раздался отвратительный скрежет, треск, штора покрылась сетью трещин, а антиграв с кусочком ткани совсем оторвался! Штора дернулась, снижая скорость. Как он успел развернуться и одной рукой ухватиться за антиграв, а второй подхватить Трезора, Кащей и сам не понял. Лишенная поддержки штора накренилась к земле и, со свистом рассекая воздух, вошла в пьяное пике, выделявая по дороге немыслимые пируэты и фигуры сверхвысшего пилотажа.

— Погас лучик! — вздохнул Кащей.

— Может, мы пойдем пешком? Крыльям больше нет доверья. Что останется от нас при с

планетой столкновеньи?

Висеть, ухватившись одной рукой за антиграв, на приличной высоте было крайне неудобно, и Кашей сказал:

— Уговорил! Неправильный мир! Неправильные ковры и неправильные киборги!!! Кстати, ты видишь вон там, ближе к горизонту, темное пятнышко? Это аэродром для вертолетов! Я вижу их вращающиеся лопасти.

— Давай захватим вертолет! И в дождь, и в снег, и вообще в ненастье на нем лететь — такое счастье!

— Как долетим до него, так и прихватим!

— Может, лучше добежим?

Кашей ощутил твердую почву под ногами и отпустил Трезора.

— Долетим! Я нашел нам хороший коврик! — сказал он.

— Где ты здесь его увидел? На деревьях, что ль, растет? — не понял Трезор.

— Почти угадал...

Перед ними был городской парк.

Срубленный у корня двадцатиметровый тополь хорошо держался и не торопился рассыпаться на куски. Трезор кое-как справился со вставшей дыбом шерстью и устроился позади Кашея, севшего перед раскинутыми под углом ветвями: чем не руль?

Корни он отломал, по излому увидел, что дерево начинало гнить. Еще лет десять по кремнитским меркам, и оно само рухнет. Тополя — не долгожители, именно поэтому рубить его было куда удобнее, чем дуб, к примеру. Вдобавок он достаточно легкий, чтобы антиграв сумел поднять его полностью. Использовать грузовую версию антиграва, “грузовик”, — скорости не наберешь, будешь ползти, как черепаха. Использовать и то и другое одновременно нельзя — издевательство над техникой. Взорвется от несостыковки передвижения — косточки до Плутона долетят.

— Готов? — спросил Кашей.

— Всегда — ой, ух, — готов! — Трезор покачнулся и выровнял равновесие.

— Полный вперед!!!

Дорога была пуста, что говорило о том, что машины в принципе когда-то существовали. И в большом количестве. Об этом говорило развешанное на детских площадках бесконечное количество покрышек. Дети и сейчас качались на них, находясь на разной высоте.

Падать, как это принято у них, они не спешили. Кашей понял, что все организмы кремнитского мира наделены природным антигравом от рождения. Иначе никак не объяснить их выкрутасы на планете с нормальным притяжением. Вот растения собственной антигравитацией не обладали. Он не помнил, чтобы огрызок от съеденного им когда-то

молодильного яблока витал по воздуху. Хотя в целом состоянии оно каталось по тарелке, игнорируя законы притяжения.

По большому счету представить, что тут к чему, вот так, с налета, невозможно. Мозги плавиться начинают.

Не на создание ли киборгов ушли машины? Металла много, отправь в переплавку — и не надо добывать руду. (Опять-таки вопрос: при какой температуре плавил металл кремниты? С их скоростями от расплавленного железа не останется ровным счетом ничего, кроме большой кучи воспоминаний.) Спасение собственной жизни стоит того, чтобы отказаться от некоторой толики комфорта. Либо на машине — в могилу, либо пешком, но на сильную диету. А киборги что-нибудь да отыщут. Не потому ли они, кстати, и ломали оборудование на захватываемых планетах, чтобы выудить из них съедобные крохи кремниевых растений?

Ствол тополя горизонтально висел над землей в двух метрах от нее, ветви подметали землю, оставляя то тут, то там упавшие листья. Кащей держался за ветки, как за руль мотоцикла, а Трезора, когда стемнеет, можно будет использовать вместо фар.

— Моя метелка — самая мощная в Галактике! — прокричал он.

Жаль, нет рядом ведьмочек и Яги — они бы оценили ее превосходство. Для полного счастья не хватает оружия, но это не проблема: на каждом вертолете стоит по пулемету. Киборги, конечно, обидятся, когда он заберет себе немного, но кто их будет спрашивать? Война как-никак.

Аэродром оказался близко. Кащей заранее наколдовал защитное поле, постоянно напоминая себе о том, что оно защищает исключительно от пуль, а самих киборгов пропускает за будь здоров, и что врукопашную лучше всего не вступать. Тополь исправно гнал вперед, разве что листьев позади изрядно поубавилось, и теперь он еще больше напоминал метлу оригинальной светлой расцветки.

Въезд на летное поле был перекрыт металлическим забором с тремя приставленными к воротам в качестве дополнительной охраны киборгами. Они задумчиво рассматривали притормозившего около них Кащея, нацелив на него здоровенные авиационные пулеметы килограмм по шестьсот каждый (киборги до неприличия обожают тяжелое оружие). Самостоятельно летающие деревья им до сих пор не попадались.

— Привет, жестяные мозги! — поприветствовал их Кащей. — Вы от кого отгородились? Со скоростями местных форм жизни их легче будет повернуть на сто восемьдесят, чем ждать, пока они доползут до решетки и будут биться об нее со скоростью два удара в триста лет. Пулеметами не поделитесь?

— Засланец!!! - прогремел над летным полем электронный рык. — Ликвидировать!!!

Тополь встал на дыбы и протаранил ворота, ветви хлестанули по киборгам, сметая их с дороги, Трезор дико завыл: чем больше шума, тем живописнее паника. Киборги, работавшие около вертолетов, нацелились на выделяющего виражи неизвестного рокера. Положенный череп на плаще ослеплял золотистым сиянием, сам плащ развевался на ветру. Дивное зрелище! Ближайшие к нему киборги объединенной мощью жахнули в пришельца на дереве, пули с визгом отрикошетили от поля, и зрелище стало еще дивней. А когда Кащей с ходу протаранил стволом усердно давящего на гашетки стрелка, выбросив его из кабины за тридевять квадратных метров, подхватил пулемет (чуть не вылетев из седла, настолько тот оказался тяжел), присобачил его заклинанием перед собой, шоу вышло на новый виток

развития. Киборги докумекали, что связались с добычей не по зубам, когда Кащей, хладнокровно игнорируя бьющие по защитному полю пули, повторил нокаутирующий номер с другим вертолетом. И совсем они переполошились, когда третий пулемет украсил “Тополь-М-самолет”. Кащей заклинанием сотворил одну ленту на все три пулемета и приказал патронам восстанавливаться после выстрела. Они бы его не послушали (а кто из них будет кого слушать, ведь всем давно известно, что пули — дуры), но заклинание сработало на совесть, и слушаться волей-неволей пришлось.

— Стрелять так стрелять!!! – прокричал Кащей, нажимая на гашетку. Второй и третий пулемет застрочили в полной синхронности с первым. Часть киборгов упорно обстреливала защитное поле с земли, а другая часть заскакивала в вертолеты, запускала двигатели и шла на взлет, намереваясь с высоты жестоко покарать пришельца.

Патроны — здоровые, разрывные, калибра тридцать шесть и шесть — не оставили без внимания ни одного вертолета, даже самого далекого, разрывая летающие машины на миллионы острых частей. Вертолеты плескались топливом и взрывались, усыпая аэродром тысячами угрожающе свистящих осколков.

Тополь послушно вращался вокруг своей оси. Когда в одном месте от вертолетов и киборгов оставались горки железа, он передвигался на новое. Кащей стрелял не переставая. Аэродром стремительно менял профиль, на глазах превращаясь в кладбище изувеченных механических изделий. Киборгам ничего не оставалось делать, как быстренько ретироваться, но они не знали, что такое отступление, и бились до самой смерти. Дым от горевших вертолетов закрыл обзор, и определить местонахождение Кащея не представлялось возможным. В общем-то Кащей тоже не видел, куда стрелять, но у него было явное преимущество: вокруг враги, в своих не попадешь.

Он остановился и перевел дух, когда почувствовал, что остался в полном одиночестве. Под тополем скопилось приличное количество стреляных гильз, на добрый метр возвышавшихся ровной медной горкой на разбитых плитах аэродрома. Длинная, плотная, красная дорожка ясно показывала путь его передвижения. От вертолетов не осталось ничего, способного взлететь и тут же не упасть. Повсюду толстым слоем лежали миллионы осколков, деталей, гильз, местами виднелись мелкие фрагменты киборгов.

— Слушай, Трезор! — сказал Кащей, разглядывая плоды своих трудов. — Напомни-ка мне, зачем мы сюда заглянули?

— Хотели вертолет забрать, чтоб было нам на чем летать! — отрапортовал Трезор. — Иль пулеметы отобрать, чтоб было чем во врагов стрелять!

— М-да? — Кащей потер макушку. — Придется обойтись без вертолета.

Тополь развернулся, сгребая мусор, и покинул сметенный с лица земли аэродром.

Предполагалось, что теперь, когда боевые действия перешли в Мир кремнистов, киборги постараются во что бы то ни стало найти и остановить засланца. Соблюдая разумную осторожность и не пропуская киборгов через границы защитного поля, Кащей мог бы воевать довольно долго, но ни к чему существенному это ни приведет. Киборгов легко восстановить, по крайней мере, без биологической оболочки. Какие плюсы она дает, еще предстояло выяснить, а пока требовалось привлечь к себе внимание полководцев киберармии. И ликвидация аэропорта сослужила в этом деле хорошую службу: его заметили. Со всех сторон к нему летели

и первое время даже пытались уничтожить его авиационными бомбами вертолеты, но добились только того, что тополь изрядно укоротился и приобрел дополнительную маневренность. Защитное поле не уменьшилось ни на сантиметр, и Кашей знал почему: колдуны заранее объявили, что данная версия заклинания достаточно мощная, но использует в качестве подзарядки жизненную силу использующего (общая проблема большей части сложных заклинаний первого уровня, ныне запрещенных). Он здорово повеселился, когда подсчитал, что его бессмертие уже укоротилось лет на восемьсот.

— Тяжелая утрата! — подметил он. — Но придется с этим как-то жить...

Потерпев неудачу с его уничтожением, киборги наконец сообразили, что надо бы уточнить, что это за непрошибаемый элемент, и что он здесь, собственно говоря, потерял?

Вертолеты приземлились, встав ему поперек дороги. Гул стоял такой — хоть святых выноси. А ветер поднялся — ураган от тоски в бараний рог свернется. Но никто не стрелял, и Кашей тоже решил не открывать огонь. Пусть не говорят потом, что он первый на них напал.

Когда ураган стих и лопасти замерли, из вертолета вышла группа киборгов без оружия. Кашей сложил руки на груди и подождал, когда они вплотную подойдут к нему и окружают тополь плотным кольцом.

— Говорите! — величественно разрешил он. — По одному!

— Ты кто такой?

— Мне поручено провести с вами переговоры! — пояснил Кашей. — Колдуны хотят узнать, какого черта вам надо?

Киборги шумно и возмущенно загалдели:

— Никаких переговоров с вандалами!!!

— Кто бы говорил?! Вы подчистую стерли колдунов с нескольких планет, а теперь говорите о вандализме?

— Вы обрекли нас на голодную смерть!!!

— Как, и вас тоже? — удивился Кашей. — Они еще и машинное масло своровали?!

Киборги замолчали и уставились на него во все глаза.

— Короче, народ! — попросил Кашей. — Я тут исключительно с мирной захватнической инициативой. Мне нужно поговорить с вашими главными для обсуждения некоторых аспектов специфики взаимоотношений колдунов и кремнитов, и выработки на их основе взаимовыгодных соглашений с моим главенствующим участием. Возможно, вас ожидает сюрприз.

— Какой?

— Если переговоры пройдут успешно, то колдуны будут не прочь сдаться. Только так, чтобы никто из них об этом не знал.

— Что? — зашумели киборги. — Они и так прошлись по планете, как саранча, а теперь еще и добавки потребуют, как военнопленные? Наш ответ: нет!!!

— А теперь бы послушать ответ самих кремнитов! — сказал Кашей. — Послушайте, колдуны готовы вернуть похищенное, но им нужно немного времени.

— Мы не доверяем колдунам!

— Я тоже.

Киборги удивились:

— Хочешь сказать, что ты не колдун?

— Я — их злейший враг. Они говорят, что я отобрал у них умные игрушки, и с тех самых пор периодически мечтают придушить мою темную светлость, если можно так выразиться.

— А почему ты им помогаешь?

— Я помогаю себе, — ответил Кашей. — Итак, с кем я могу вести переговоры?

Мелодик, поглощенный расчетами для дипломной формулы, усиленными темпами дорабатывал заклинание. Здешний аналитический отдел, выданный ему в помощь (не при директоре будет сказано), сумел отыскать причину, запустившую в работу нерабочую версию заклинания, потратив на эту головоломку два часа личного внерабочего времени. Легендарная ошибка оказалась банальнейшей до невозможности, именно поэтому ее и не смогли найти сразу: одно слово требовало ударения не в том месте, где оно напрашивалось само собой. Мелодик об этом знал, привыкнув к правильному произношению. Аналитики это тоже знали: у них за плечами по филологическому образованию. Это знали все, кто читал заклинание и пытался найти ошибку. Не знали этого именно мальчишки, прочитавшие заклинание так, как посчитали нужным, и заставившие его работать. Остальное было делом техники: объединенными усилиями аналитики выполнили почти всю работу, оставив Мелодику (как создателю заклинания) подчистить кое-какие шероховатости, и — вот она, готовая формула!!!

— Готово!!!! - прокричал он.

Но аналитики уже переключились на проблемы Агриана, и в данный момент находились в медицинской лаборатории, так что радость победы оценил только библиотекарь.

— В библиотеке не шумят! — сказал в ответ Хранитель, в ожидании читавший банальный детективчик. Воспоминания побеждали, возвращая его в прошлое вновь и вновь, поэтому он попусту скользил взглядом по буквам и даже старательно разглядывал каждую строчку, но видел не буквы, а события сегодняшнего дня.

— Тьфу ты! — вырвалось у Мелодика. — В какой библиотеке?

Хранитель поднял голову. Голые стены, три стола, два широких окна и ни одной полочки для книжек. Явно не библиотека.

— Книжку видишь? — Он показал на детектив. — Значит, библиотека. Что у тебя готово?

— Формула!

— Я позвоню Лофьену! — Хранитель схватил телефон.

— Я сам позвоню! — Мелодик вскочил, намереваясь отобрать трубку. — Дайте сюда!!!

Он сердито отобрал телефон, опешивший Хранитель покорно взялся за книгу, слегка обидевшись, что ему не дали самую малость погреться в лучах чужой славы.

— Мне надо яблоко для экспериментов!

— Если мне будет позволено дотронуться своей рукой до телефона, — с долей иронии сказал Хранитель, — то я сделаю все, от меня зависящее...

— Извините, Хранитель, — перебил его Мелодик, — но я сам! А вы лучше следите за книгой — видите, страничку помяли! Вдруг ваш коллега из СОБ окажется хуже вас?

— Это не книга! — буркнул уязвленный Хранитель. — Макулатура.

— Агент Лофьен слушает! — донеслось из трубки.

— Мне нужно одно кремниевое яблоко! — сказал Мелодик. — И тогда мы вернем киборгам намного больше, чем брали!

— Настоящее не гарантирую, но нарисованными обеспечу! — пообещал Лофьен. — Я видел его один раз и сумею нарисовать. Сейчас буду.

Хранитель напросился в зрительский ряд, с радостью избавляясь от нудного детектива. Остальных решили не беспокоить по пустякам, совместным голосованием постановив, что поставят их перед фактом в случае удачи эксперимента.

Закрыв дверь на замок, экспериментаторы расчистили центр кабинета от мебели, чуть ли не прибежавший Лофьен отыскал бумагу, карандаш наколдовал, уселся за стол и быстро нарисовал объемное черно-белое изображение яблока с листком.

— Похоже! — одобрил Хранитель. — Вылитое яблоко.

— Листок лишний, это к вишенке больше подойдет! — добавил Мелодик.

Лофьен недовольно промолчал — критиковать каждый горазд.

— Действуй! — Хранитель передал листок.

Мелодик зашептал заклинание. Рисунок покрылся светло-серой пленкой, яблоко в трехмерном виде спроецировалось в центре освобожденного пространства, помутнело, вспыхнуло яркими красками, поблекло до естественного уровня и упало на пол.

— Есть!!! — Мелодик подхватил его, потер об рукав, поднес ко рту, но, вместо того, чтобы откусить, застыл с открытым ртом и задумался.

— В чем дело? — заинтересовались остальные.

— Я не помолодею, если откушу от него кусочек? — Он опустил руку. — Не хочется заново учиться в школе.

Хранитель и Лофьен переглянулись.

— Я старше! — первым опомнился Хранитель. — Мне и пробовать!

— Я здесь главный! — возразил Лофьен.

— Иди работать!!!

— Предлагаю поединок! — выпалил агент.

Хранитель застыл в боксерской стойке:

— Согласен!!

— На рапирах!

— А хоть на лопатах!

Мелодик вытаращил глаза. Агент и библиотекарь встали напротив друг друга, шустро наколдовали оружие и скрестили его перед собой в стойке (правая рука впереди, левая позади, поднята кверху в полусогнутом положении): Лофьен — рапиру, Хранитель — штыковую лопату.

Короткая немая сцена.

— Не понял, — поморгал Лофьен.

— Пардон! — Библиотекарь с извинениями отбросил лопату и наколдовал рапиру. — Задумался!

— Ладно, я сам! — решился Мелодик. — Лучше один пострадавший, чем два трупа!

— Куда??? - опомнились дуэлянты, выставив оружие в сторону ученика. — И думать не смей!

Мелодик отскочил к стене.

— Да я подумал, — поделился он своими соображениями, — что неплохо бы стать самым умным первоклассником в нашей школе!

— Хочешь, мы тебя и так сделаем самым умным первоклассником? — Лофьен и Хранитель строевым шагом направились в его сторону с вытянутыми рапирами и приставили их к шее Мелодика. — Хоть сейчас оформим перевод, директора уговорим! Считаем до одного!.. Один!

— Я пошутил! — воскликнул Мелодик, отводя рапиры в сторону. — Ловите! Кто поймал, тот и съел!

Яблоко полетело в противоположный угол.

— Да подавись ты! — оттолкнутый Хранителем Лофьен отлетел к столу. Хранитель насадил летевшее яблоко на рапиру, перехватил рукой и одним махом откусил половину. Разжевал с восторженным видом, подумал, откусил еще четверть, переменил восторженность на недовольство и доел остатки.

— Вкусное яблоко! — сообщил он. — Обычное, у меня такие в саду росли.

— Как обычное яблоко? — не поверил Лофьен. — Я нарисовал кремниевое!

— Ладно, когда я должен помолодеть? — не сдавался библиотекарь.

— Минуту назад! — Агент всматривался в черты лица Хранителя, разглядывая, не изменилось ли чего, не ушла ли первая седина с волос. — Либо тебе далеко за пятьдесят, либо ты действительно съел обычное яблоко. Повторим опыт! Мелодик, сооруди для нашего подопытного добавку. Проверим, сколько ему лет на самом деле.

— Да говорю же вам, что это простое яблоко!

— Откуда ты знаешь? — не унимался Лофьен. — Ты ел кремниевые?

— Нет. А ты ел?

Агент покачал головой.

— Не ел, — пробормотал он.

Мелодик наколдовал еще три яблока и протянул их библиотекарю. Хранитель хмыкнул:

— Хочешь, чтобы я пошел в первый класс вместе с тобой? — Он подхватил яблоки и быстро изгрыз их до косточек.

Минут пять прошло в молчаливом ожидании омоложения.

— Ну, что я вам говорил с самого начала?

Мелодик развел руками:

— Нам нужно настоящее яблоко. Кремниевое выглядит точно так же, как и настоящее, на него заклинание и настраивается.

— Придется идти на поклон к непосредственному начальству! Пусть изыскивает резервы.

— Глупый вопрос можно? — спросил Мелодик. — Непосредственное — это, случаем, не производное от фразы “Не по средствам”?

— Понимаешь, Мелодик, — задумчиво потер подбородок Лофьен, — если обозвать начальство посредственным, оно может обидеться.

Руководство молча выслушало доклад и потребовало практических доказательств — в свете последних требований Кашея разбрасываться остатками кремниевых растений никто не позволил бы и самому Господу Богу. Кроме того, Мелодик еще не вызывал того доверия, какое зарабатывают десятилетиями грамотной службы. Лофьен мстительно (тут спасение нации на носу, а руководство сертификаты качества требует!) быстро нарисовал картинку, Мелодик с юношеским азартом наколдовал, и...

— Что это? — удивились маршалы, увидев появившийся перед ними сейф.

Лофьен молча набрал шифр, открыл... и из сейфа повалили небольшие, но ужасно вертлявые и говорливые зверюшки с уморительно вытаращенными глазами, шестью цепкими лапками, коротким острым хвостом и шестью рядами зубов в широкой пасти. Маршалы повторили вопрос на повышенной визгливой ноте, дружно взбираясь на стол и сопровождая это не совсем печатными эпитетами (то есть печатными в значительном сокращении большей части букв). Гомонящая толпа расползлась по кабинету, перерыла и перепробовала на вкус все, что могла,

и выкатилась в коридор в поисках новых ощущений.

— Так вот вы какие, очумелые чучундры... — пробормотал Лофьен. — Господа, кто еще сомневается в том, что ранее не существовавшие в реальности звери являются вполне реальными, и не претендуют на звание фантомов или химер?

— Позвольте вас поздравить, молодой человек! — Четвертый поправил парадный костюм и выпрямил осанку. — Очень рад вашему достижению! Вы меня сразили наповал, честное слово!

— Если бы не чрезвычайные обстоятельства, — прокрихтел Третий, — я бы тут кое-кого с этажа через окно спустил бы!

— Яблоко! — напомнил Лофьен.

Четвертый согласно кивнул: мол, не забыл, не перебивай по пустякам:

— Я напишу приказ, вы вручите его на складе, и вам там выдадут яблоки, груши и все остальное, что имеется в наличии.

— Остальное?! — удивился Лофьен. — Я не ослышался?

— Нет, все точно! — подтвердил Четвертый. — Не будьте так наивны, Лофьен! Странник тоже со стула слетел, когда узнал. Наши предшественники (да и мы в том числе, чего греха таить?) несколько переборщили со сбором урожая. Но это — государственная тайна! Как только создадите копии, немедленно отправляйтесь в лабораторию на анализ — мы должны быть точно уверены в том, что искусственные яблоки ничем не отличаются от настоящих! Не теряйте времени!

Вертолет приземлился у высокого здания, спроектированного явно маниакальным любителем механического кубизма и построенного яростным фанатом абстракции. Дикое зрелище, особенно на фоне непривычного цвета растительности. Но еще непривычнее было увидеть у входа двух киборгов с крашеными гребнями на голове.

— Здесь! — сказал киборг. — Выходи!

— А это что за диво?! — изумился Кашей.

— Киберпанки! — отмахнулся киборг. — Бывшие воины, вернулись из какого-то колдовского мира, где и подцепили эту странную философию.

— Киборги? — переспросил Кашей. — Подцепили философию? Она что, заразная?

— Вероятно, да: колдуны шарахались от своих собственных панков, как от чумы! Проходите!

— Только после вас! — галантно ответил Кашей, изучающе поглядывая на киберпанков: мало ли что у них на уме? Заразные болезни — это еще куда ни шло, но заразная философия — это полный абзац: как от нее лечиться, если что? — Руководство, как всегда, на верхнем этаже. Правильно?

— Как ты догадался?

— Примета такая. Сколько этажей ни возводи, а выше них — только небо.

Прошагав по монолитным ступенькам, они дружно поднялись на тридцать третий этаж и остановились перед запертыми изнутри дверями. Кащей, в отличие от киборгов, это не остановило. Он пошел напролом, даже не сбавляя скорости. За столом сидело начальство в количестве одного киборга, углубившееся в изучение свежего секретного отчета о полном уничтожении одного аэродрома вместе с авиатехникой и пилотами, к ней прилагающимися. Если бы киборг знал, что тот, кто вломился к нему, и есть первопричина этих событий, он бы, не раздумывая, отдал приказ расстрелять пленника. Но отпущенное ему время он упустил, и Кащей умело перехватил власть в свои руки.

— Разрешаю выслушать мои предложения! — скомандовал он, подходя к столу.

— Как вы вошли? — автоматически возмутился киборг, одним глазом продолжая читать, а вторым уставившись на вошедшего. Кащей восхищенно хмыкнул:

— Дверь была закрыта!

Киборг отложил доклад, заинтересовавшись оригинальным ответом. Кащей не стал дожидаться, пока он снизойдет до второго вопроса, и пошел ва-банк.

— Мы тут с вашими ребятами немного поспорили и решили, что самым умным среди них являетесь все-таки вы! — доверительно сказал он. — Я прав?

Отрицательный ответ после этого вопроса не звучал нигде и никогда. Киборг исключением не оказался.

— Согласен! — Он переплел пальцы и положил руки на стол.

— Значит, я присяду? — Кащей пододвинул к себе стул и, не дожидаясь разрешения, сел. — Так вот, меня к вам привела большая проблема. Я, как вы видите, далеко не киборг.

— Дальше некуда! — поддакнул киборг. — И что из этого следует?

— Я прибыл из парамиров колдунов, чтобы заявить, что вы опоздали с захватом — они уже принадлежат мне, с потрохами! Я завоевал их раньше вас, и у меня в руках подписанный Верховной властью Колдовского Союза акт о неполной и оговорочной капитуляции!

Кашей протянул киборгу свернутый листок. Тот послушно развернул его и вчитался в текст.

— Так что советую вам как можно скорее вывести свои захватнические войска с покорившейся мне территории! Я не потерплю, чтобы в моем мире хозяйничали пришельцы! Я старался, завоевывал ее с потом и кровью, недосыпал, недоедал, а вы налетели на своих летающих бочках и лишили меня последней радости от победы.

Киборг побарабанил пальцами по столу.

— Минутку, — опомнился он. — Я не решаю такие вопросы единолично. Это не в моей компетенции.

— Поймите, если вы не согласитесь с моими требованиями, то я захвачу и ваш мир, и ваше упорство вылетит вам боком. Видите мой меч? Ему несколько тысяч лет, и, несмотря на приличный возраст, он с легкостью перерубит ваши твердокаменные сплавы в неограниченном количестве.

— Вам надо поговорить с кремнитами. Они здесь командуют парадом. Я позвоню.

— Сколько угодно! — согласился Кашей. — Я охотно послушаю, о чем вы будете разговаривать, но заранее предупреждаю, что у меня нет в запасе двухсот лет на переговоры.

— И не надо! Двадцати минут будет достаточно!

Разговор по телефону был неожиданно коротким. Киборг не растягивал звуки, подстраиваясь под медлительность кремнитов, и на том конце провода отчетливо, хотя и тихо, звучала внятная ответная речь. Киборг коротко обрисовал возникшую ситуацию, его собеседник особенно заинтересовался мечом Кашея.

— Тысячи лет — это не метафора? — переспросил киборг, закрыв телефон ладонью.

— Нет. Если быть точным, то где-то пять тысяч лет, плюс-минус несколько столетий. Я не вел точный подсчет времени.

Голос кремнита зазвенел от восторга. На лице киборга отразилось дикое удивление — Кашей и не предполагал, что машины умеют так удивляться. Кое-какие эмоции — это в порядке вещей, но видеть удивление в чистом виде — это невероятно даже для настоящих людей.

— Да! — сказал киборг, бросив на Кашея быстрый взгляд. — Да! Именно так! Непременно!

Он положил трубку и воззрился на сидевшего перед ним человека то ли как на высокопоставленного пленника, то ли как на повелителя планеты.

— С вами встретятся через два часа! — сообщил он.

В его глазах читался вопрос, но киборг не торопился его задавать, вероятно, он испытывал доселе неведомое ему чувство смущения. Кашей тоже не стал спрашивать, в чем дело, хотя своих вопросов у него было не меньше. Придет время — кремнит сам все расскажет.

Прошел час.

Кашей сидел в одиночестве и раздумывал над поднявшейся среди киборгов суетой. Они носились как угорелые, что-то поправляя, что-то меняя, наводя незабываемый лоск и приводя обстановку в почти что стерильное состояние. Киберпанкам тоже досталось, хотя они стояли и никого не трогали, — не вписывались в стандарт торжественного мероприятия.

Приличная делегация в парадной форме — оказывается, у киборгов была и такая, — остановилась перед ним навытяжку, и он справедливо посчитал, что не поддающееся разумному объяснению поведение киборгов изменилось сразу же после достопамятного звонка. Что мог рассказать кремнит, оставалось загадкой.

Кашея торжественно посадили в новенькую машину — на этот раз без присутствия по бокам сопровождающих конвоиров. Трезор, которого тоже не миновала участь почетного гостя, пребывал в состоянии легкого замешательства. Устроившись на сиденье рядом и наблюдая, как их окружает конвой из мотоциклов и машин, дизайном раз в десять стильнее, чем у той колымаги, на которой их привезли сюда, он поинтересовался:

— Что ты наделал в этот раз? Их крыша тихо ускакала! Какие ты сказал слова, что им не

показалось мало?

— Сказал, что владею мечом!

— А что такого в этом деле? Мечом все воины владели.

— Тысячи лет! — договорил Кашей.

Они приехали в похожий на первый увиденный ими город кремнитов. По пути то и дело попадались обширные поля, засеянные молодыми растениями, среди которых через равное количество метров стояли обычные металлические трубы, напоминающие громоотводы. На полях родной планеты ничего подобного отродясь не бывало.

— Секреты мелиорации? — поинтересовался Кашей.

Киборг, быстро освоившись с непривычной для себя ролью гида, посмотрел по сторонам, отыскивая, до чего докопался Кашей, и не сразу понял, что речь идет именно о железках. Для него это не было новостью: в сельском хозяйстве их применяли с давних пор.

— Они служат нам для разрыхления почвы, — пояснил он. — Растения растут быстрее.

— А в чем принцип их действия? — заинтересовался Кашей.

Киборг глубоко задумался: мелиорация не входила в круг его интересов. Привыкший к военным делам, он понятия не имел, чем отличается плуг от косилки, и не мог дать исчерпывающего ответа.

— Вам ответят! — ограничился он стандартным ответом.

На большую часть последующих вопросов следовал аналогичный ответ. Кашей определил сферу знаний гида и под конец пути не спрашивал ничего такого, на что киборг не мог ответить. И не потому, что не хотел вгонять его в ступор, а потому, что надоело слушать один и тот же ответ.

— А как вы определяете, что из вещей находится в вашей плоскости, а что находится в плоскости существования кремнитов?

— В смысле? — не сразу понял вопроса гид. — Мы ничего не определяем.

— Я говорю, вы по ошибке не схватите вместо своего палас для кремнитов? — переиначил вопрос Кашей. — Я сталкивался с вещами из другой плоскости существования — они такие хрупкие, что страшно прикасаться.

— А, вот вы о чем! — просиял гид. — Мы почти не общаемся с нашими создателями. Они живут отдельно, мы стараемся, чтобы наши пути пересекались как можно реже. И если бы не трагические события, поставившие их на грань вымирания, мы бы до сих пор контактировали с создателями исключительно по общим проблемам существования. Мелочи вроде использования территорий и проведения на них наших опытов.

— Как вы общаетесь с кремнитами? — задал Кашей главный вопрос, интересующий его больше всего с тех самых пор, когда он узнал о существовании кремниевых людей и об их роботах.

— Вы скоро сами все увидите! — туманно отвечал киборг. — Смею вас заверить, что это будет

незабываемый сюрприз.

Машина остановилась перед громаднейшим сверкающим черным зданием, вершина которого уходила в небеса и частично скрывалась среди редких облаков.

— Сколько здесь этажей? — воскликнул Кашей.

— Восемь.

— Тысяч?! — уточнил Кашей.

— Просто восемь. Проходите!

Его провели по длинному коридору в небольшой кабинет без окон, со светоотражающими блоками на стенах. Через другой вход киборги бережно вносили кремнита, устроившегося на кресле с большими боковыми ручками. Кашей сел в кресло. Перед ним был столик, который делился замерцавшим полем вместе с кабинетом на равные половинки. Киборги вышли, двери закрылись, и кабинет на считанные секунды погрузился во мрак. А затем блоки вспыхнули слабым призрачным светом. Его половина осветилась блекло-желтым светом, а половина с кремнитом — слабо-синим.

Загудели невидимые генераторы, блоки засияли ярче, увеличивая контрастность и насыщенность цветов. Сияние менялось, постепенно приходя к общему знаменателю: зеленый цвет становился все яснее и плотнее. А когда он стал одинаковым и с той и с этой стороны, прозвенел колокольчик, и заинтригованный происходящим Кашей увидел, как сидевший памятником кремнит пошевелил пальцами и повернул голову. Посмотрев на инопланетного гостя, он дружески улыбнулся и произнес потрясшую Кашею фразу:

— Ну здравствуй, Леснид! Давно не виделись!

Кашей сглотнул и вдруг понял, что знает сидевшего перед ним кремнита. В голове одна за другой вырывались из небытия старые-старые мысли и чувства, и внезапно, пробив стены далеких тайников подсознания, они хлынули мощной волной воспоминаний, сметающей на своем пути все преграды беспамятства...

...Жили-были на одной чудной планете веселые люди, знавшие настоящее Волшебное слово (сами они его придумали или подсказал кто — легенды коварно умалчивали). Стоило им захотеть чего-нибудь трудновыполнимого (а то и простую безделушку), как они произносили заветное слово, и их желание сразу же исполнялось. Но волшебные ресурсы слова были невосполнимы, и, хотя оно много лет выполняло любое желание, скорость выполнения со временем упала в десятки, чуть ли не в сотни раз. И настал тот черный день, когда люди, к своему ужасу, сообразили, что слово вот-вот потеряет свою силу навсегда. И собрались тогда самые умные люди, чтобы придумать, как же им жить без Волшебного слова. За окнами вставал рассвет и догорал закат, а они все сидели и думали, как разрешить неразрешимое. И все-таки нашли решение: придется смириться, но напоследок загадать такое желание, чтобы о нем с гордостью вспоминали лишенные волшебства их близкие и далекие потомки. Дважды они дико ссорились и мирились, но ничего толкового так и не придумали. И спорили бы они до самой смерти, если бы на третьи сутки к ним не вошла вечно ворчливая уборщица с мокрой тряпкой-самомойкой и не сказала:

— Сколько можно попусту сотрясать воздух? Хватит уже, насиделись! Вот пускай каждый сам

придумает себе Волшебное слово и мучается с ним, сколько пожелает! А теперь убирайтесь, мне полы мыть надо!

Спорщики перестали спорить, переглянулись и радостно закричали:

— Гениально!!! Вот оно, Настоящее Последнее Желание!!!

— Убраться отсюда? — не поняла уборщица. — Или полы всем миром помыть?

— КАЖДОМУ ЧЕЛОВЕКУ ДАТЬ УМЕНИЕ СОЗДАВАТЬ СВОЕ СОБСТВЕННОЕ ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО!!!

И загадали его.

Так появились первые колдуны. И хотя новоявленные слова исполняли всего по одному желанию, это не могло испортить ощущения безграничного счастья от возвращения исчезнувшего было волшебства, потому что на каждую задумку колдуны могли придумать свое слово.

Прошло триста лет, и колдуны вдруг осознали, что далеко не каждый из них способен придумать качественное заклинание. Многие умели грамотно ими пользоваться, но не могли придумать новые. А те, которые могли придумать, все меньше и меньше хотели помогать с составлением менее удачливым коллегам.

Это была первая ласточка грядущих неприятностей...

С каждым новым столетием число колдунов, умеющих придумывать заклинания, становилось все меньше и меньше, и они тихо сошли бы на нет, если бы мир не схватился за голову, а чуть позже и за ум. Именно тогда были составлены изошренные тесты, определяющие, кем является человек: пользователем или составителем. Для подающих надежды детей возводили элитные школы, специализирующиеся на обучении составителей. После обучения их прямым ходом направляли в Научно-исследовательские институты Прикладного Колдовства и Магии, где они могли заниматься исследованиями в самых разных областях хоть до посинения.

А когда в один прекрасный день некий составитель (попросту — ученый) захотел расширить заполненный до отказа шкаф с документами, то ненароком расширил его так, что вместо задней стены получил выход в параллельный мир. Колдовское сообщество сразу же оценило важность открытия и ринулось пробивать аналогичные тоннели. Согласно быстро нахлынувшей романтической моде тех лет проходы в параміры пробивались в отдаленных от городов местах. Переместителей тогда еще не существовало, и в другой парамір можно было попасть исключительно через пробитый в некоем месте тоннель-проход.

Среди жителей открытых параміров попадались и такие, которые считали колдунов захватчиками, и всячески старались выгнать их из собственного мира. Этих людей ловили и переселяли на планету-тюрьму с суровым климатом и устроенной свалкой оживших кошмарных сновидений, бредней и диких фантазий. (Эту свалку переселенные люди со временем стали называть Причудливым лесом...)

В столице паракланетной Империи семимильными шагами шло развитие науки. Особенно преуспел в совершенствовании заклинаний и в создании волшебных вещей один ученый. Несмотря на свою молодость, он сумел сделать немало открытий, и сделал бы их еще больше, если бы не трагические события, приведшие к великой катастрофе и закату колдовского мира.

Его открытия постоянно встречались бурями аплодисментов и черной завистью как менее удачливых коллег, так и просто не умеющих самостоятельно придумывать заклинания и технику пользователей.

Созданная им первая модель переместителя произвела полный фурор и переворот в науке: отныне путешествовать в параміры можно было из любой точки земного шара — стоило только в ней установить переместитель. Старинные тоннели-переходы оказались никому не нужными, и про них довольно быстро забыли.

Но многие его приборы не получили широкого распространения. Например, тарелки-всеглядки остались в пользовании составителей высокого уровня и разного рода спецслужб только из-за того, что давали неограниченную возможность для любых наблюдений, что, в свою очередь, создавало опасность как для утечки любой, самой разнообразной информации, так и для банального шантажа.

А его последнее открытие привело и без того нестойкую из-за межпланетных распрей Империю к распаду.

Он придумал слишком всемогущий прибор, чтобы колдуны оставались безучастными.

Он придумал “Феникс”.

Феникс — это птица, сгорающая в огне, чтобы заново возродиться живой и здоровой, и его прибор действовал по схожей схеме. “Феникс” — именно такое название получила миниатюрная машина времени, способная перемещаться в прошлое на целых два дня (к сожалению, без “эффекта матрешки”, когда в прошлом можно переместиться еще на два дня назад, а там еще на два, проходя таким макаром через годы и столетия), с уникальной фантастической системой демонстрации потенциально (или реально) измененного будущего на любом временном отрезке. Получивший доступ к прибору мог менять свое будущее, как заблагорассудится, и наблюдать на голографическом экране — можно сказать, в прямом эфире, — за новыми вариантами будущего, чтобы выбрать для себя наиболее подходящий. Иначе говоря, сжигая неудачное будущее, возрождаться в удачном.

Ученый первым посмотрел на свое пока еще не измененное будущее и сильно задумался. Потом совершил несколько изменений в прошлом, каждый раз проверяя события изменившегося будущего, и задумался еще сильнее.

В итоге он собрал небольшое число достойных доверия составителей на секретное совещание и показал им то, что увидел сам.

Увиденное повергло всех в шок: меньше чем через сутки о “Фениксе” станет известно широкому кругу лиц. А все из-за того, что ученый успел привлечь к себе всеобщее внимание своими открытиями и некоторые излишне завидующие колдуны периодически поглядывали на его работу через тарелки-всеглядки. Новый прибор их, несомненно, заинтересует. Далее — неприятности: попытка пяти колдунов независимо друг от друга похитить прибор, неудача, и следующий за этим слив информации в прессу — месть одного из неудачников (назовем его мистер У). Грандиозный скандал и обвинения в изменении будущего — карьера ученого и без того казалась многим слишком удачной. Шумиха, арест ученого и экспроприация “Феникса” спецслужбой, где прибор тайком растиражируют с помощью заклинаний и обменяют за настоящие драгоценности всем кредитоспособным желающим. Бум изменений будущего, перельющийся в натуральное побоище с применением сил из многих параміров. Финал истории — полутемпоральная война и упадок цивилизации на долгие столетия; игры со

временем ради обустройства собственного светлого будущего — слишком большое искушение для любого недовольного чем-то человека, и “Феникс” с самого начала своего существования оказался настоящей бомбой замедленного действия.

Беда заключалась в том, что в сложившейся ситуации изменить будущее в лучшую сторону не получалось: ликвидация тарелки-всеглядки, доступной мистеру У, не остановила бы его — он бросился бы на поиски другой. Ликвидация всех тарелок на его пути — тоже не выход: происходящим заинтересуются и другие колдуны, которые с помощью целых тарелок сразу обнаружат неведомого варвара и узнают, по какой причине он так поступил. Снова шумиха вокруг “Феникса”, и далее развитие истории по прежнему сценарию со всеми остановками.

Предложенная собранием идея ликвидации не тарелки, а самого мистера У оказалась неудачной: отделы убийств имели свои тарелки и патрульные легко вышли бы на убийцу. Далее выход на знакомое развитие событий, ведущих к войне каждого против каждого.

Что бы ни придумывали составители, как бы ни исхитрялись, развитие будущего постоянно повторялось с небольшой разницей во времени и сменой мистера У на какого-нибудь мистера К. Сколько бы этих мистеров ни сменяли друг друга, результат оставался одинаковым. Требовалась ликвидация прибора как изобретения, но это было невозможно из-за неспособности “Феникса” к дальним путешествиям во времени. Теоретически выйти на подобное путешествие было возможно, но для решения этой задачи требовалось несколько (возможно, даже десятков) лет, которых ни у кого не было. Предложенная сгоряча идея насчет переброски в сверхдальний параллельный мир кого-нибудь из присутствующих, который лет за тридцать отшельничества справится с этой задачей и отправится в прошлое, чтобы уничтожить прибор (радикальный вариант: самого ученого), поставила собрание в трудное положение. В случае удачи беспрецедентной авантюры перебрасываться пришлось бы на усовершенствованной модели “Феникса”. Но если уничтожить прибор (или ученого) до того, как прибор изобретен, то “Феникс” никогда не будет создан. А без прибора невозможно будет отправиться в прошлое, чтобы уничтожить прибор или убить ученого! В итоге и тот и другой будут существовать, что опять-таки приведет к войне.

Замкнутый круг. Парадоксы времени.

Прибор стоило уничтожить прямо сейчас, а заодно и грохнуть ученого, чтобы тайна прибора навсегда осталась неразгаданной. А потом со спокойной совестью сдать патрульным. Но на свет выплыло неожиданное обстоятельство, окончательно выбившее почву из-под ног собравшихся: когда-то ученый, тогда еще не придумавший тарелки-всеглядки, занимался опытами с регенерацией организма, чтобы люди тоже могли восстанавливаться после тяжелых травм. Опыты вроде бы прошли успешно, но он не давал им огласку, проверяя, не появятся ли осложнения. (Например, процесс регенерации мог выйти из-под контроля и обернуться раковой опухолью, что было ничем не лучше отсутствия какого-нибудь органа.) И только теперь, смоделировав момент собственного убийства, ученый случайно выяснил, что создал совершенную систему восстановления организма, обеспечив себе настоящее бессмертие!

Короче говоря, “Феникс” показал, что ученый неуклонно возвращался к жизни, как бы его ни убивали и чем бы его ни травили. Кроме того, в каждом варианте будущего в институт врывались патрульные, оперативно реагирующие на убийства (опять-таки увиденные по настроенным на происшествия тарелкам-всеглядкам), ученый во время ареста убийц оживал, присутствующие в этот незабываемый момент натуральным образом седили, а далее начиналось еще более кошмарное действо, потому что бессмертием, как и “Фениксом”, хотели обладать все кому не лень.

Уничтожить прибор (что за невезение?!), на современном этапе развития цивилизации тоже не было возможным: слишком прочными оказались материалы и слишком современными были защитные заклинания.

Собрание обозвало ученого всякими нехорошими словами и бросилось на поиски хоть какого-нибудь выхода. В результате удалось выйти на единственно подходящую линию развития будущего: надо было срочно скопировать и перебросить созданное колдунами в заброшенный парамир-тюрьму, куда ни один колдун добровольно не сунется (слишком много там недовольных колдунами и их химерами людей, а также обожающих и людей, и колдунов хищных химер), чтобы потом, после войны, вернуть оставшимся в живых.

Так и поступили, отправив нескольких составителей, чтобы те создали хранилище для знаний и технологий, а также нашли способ заблокировать парамир от переброски из других парамиров, оставив один-единственный старинный переход. (Из-за того, что колдовские штучки копировались в автоматическом режиме, вместе с важными вещами скопировалась куча всякого барахла. Правда, места в хранилище хватило на все.) А полученная с помощью “Феникса” двухдневная фора позволила завершить переброску к сроку.

Разумеется, о копировании достижений стало известно очень быстро. Но устраивать демонстрации протеста никто не стал: зачем, если оригиналы остались на месте? Как и было предсказано (увидено), охоту устроили за ученым и “Фениксом”. Ученого заключили в тюрьму для особо важных персон, “Феникс” исчез в недрах спецслужб, чтобы вскоре выйти наружу своими копиями среди генералитета и его родственников.

Чуть позже начался самый странный период жизни в истории человечества, моментально нареченный периодом темпорального сумасшествия. Например: похищенные настоящие (не дешевые колдовские копии) драгоценности переходили из рук арестованных похитителей в руки патрульных за день-два до похищения, в казино как на дрожжах стали появляться небывало везучие игроки, которые выигрывали целые состояния, возвращались в прошлое и выдавали себе же выигранное, чтобы повисить собственный выигрыш в несколько раз. Количество драгоценностей (таким был выигрыш в казино) переклестнуло все разумные пределы и постоянно колебалось от природного минимума до фантастического максимума. Драгоценности из будущего смешивались с драгоценностями из прошлого, чтобы внезапно раствориться в настоящем и свести с ума тех, у кого они были на тот момент.

(Объяснение для тех, кто привык оперировать деньгами: имея в наличии во вчера миллион рублей, вы из завтра можете переправить завтрашний миллион во вчера и по возвращении увидите, что у вас уже два миллиона. Вы снова отправляетесь в прошлое с двумя миллионами и получаете четыре. Потом восемь, потом шестнадцать, тридцать два и шестьдесят четыре. После чего забираете получившуюся кучу — или совершаете еще несколько перемещений во времени, смотря к какому компромиссу придет ваша совесть с вашей же жадностью, — сматываетесь в параллельный мир, быстро все тратите на что-то существенное и возвращаетесь обратно. Вроде бы неплохо, если не считать, что у части денег будут одинаковые номера и что деньги из ниоткуда могут случайно исчезнуть в никуда. Но если вам повезет, то с этими проблемами будут разбираться новые владельцы денег. Ваша задача — суметь вовремя смыться.)

Причина и следствие поменялись местами, и никто больше не мог сказать, где было начало, а где финал разрастающихся снежным комом происшествий. Мир медленно сходил с ума, не зная, какое завтра у него окажется прошлое, и в один прекрасный день чаша терпения лопнула, и ее место заняла сковородка ненависти. Началась настоящая охота на тех, кто обладал “Фениксом”, а также на тех, кто казался слишком удачливым, независимо от того,

родились ли они счастливыми или приобрели счастье полулегальным или вовсе криминальным путем. Так, постепенно, и началась Колдовская война.

Ученый тем временем доводил до ума свое изобретение — “Феникс”, чтобы переместиться в прошлое на достаточное время и уменьшить мощность тарелки-всеглядки так, чтобы она не могла совать свой “нос” куда не следует. Первоначально (что с людьми романтика делает, страшно подумать!!!) он рассчитывал с помощью тарелки изучать дальние миры, но наткнулся на межгалактическое телевидение с его бредовой рекламой, полюбовался среднестатистическими жителями Дальнего Внеземелья, после чего, разочарованный в лучших чувствах, потерял к Внеземелью всякий интерес. Он нашел фильтр телесигнала, оказавшийся по совместительству молодильным яблоком, после чего отдал свое творение в руки других составителей. Как теперь оказалось, зря.

В поисках подходящих материалов он перебрасывался из мира в мир, не забывая уничтожать колдовские копии “Феникса” везде, где встречал, но после того, как он уничтожил последнюю копию и вернулся в родной мир, счастливый оттого, что сумел совершить невозможное, утомленный последними годами суматошной жизни организм решил, что пора бы и отдохнуть. Перенапрягшийся мозг, чтобы не погибнуть, заблокировал воспоминания всей его жизни, и ученый напрочь забыл, кем он был.

Его новая жизнь началась с того, что он ощутил себя идущим в полном одиночестве среди бескрайнего леса в сторону бесхозного замка...

...Со временем он принял имя, которым назвало его местное население. Он стал Кашеем Бессмертным.

Записка Четвертого оказала на завхоза СОБ противоположный ожидаемому эффект. Невысокий рост он компенсировал непрошибаемо упрямым характером, внушив самому себе, что является главным лицом на базе, потому что обладает ключами к складам.

— Как вы себе это представляете? — возмущался он, прочитав написанный от руки приказ. — Что ко мне попало...

— ...то пропало? — подал голос Мелодик. — Это очень плохо, потому что у нас важная миссия по спасению человечества!

— Ха! — бросил ему в лицо завхоз. — Здесь каждый день выполняются десятки подобных миссий! А разбазаривать подотчетные материалы на всякие эксперименты я не позволю — приказ руководства! Я имею в виду, что ко мне попала ужасающая бумажка с ничего не значащей для меня подписью! Кто этот аноним, расписавшийся вот здесь, в уголочке?

— Член Управляющего Совета СОБ, — пояснил Лофьен.

— Послушайте, мир летит в пропасть!!! - Мелодик использовал фразу, в его возрасте звучащую жутко и апокалиптически. Для завхоза она прозвучала как нечто среднее между “оторвали мишке лапу” и “уронила в речку мячик”.

— А мне до лампочки! — отрезал он. — Мое дело — ответственность за материальную базу! А там — хоть пропасть, хоть впадина!

— Вот приказ! — Лофьен ткнул пальцем в бумагу. — Что вам не нравится? Цвет шариковой

ручки не тот, или наклон букв не совпадает с предписанным стандартом?

— Здесь нет подписей замначальника планового отдела, руководителя бухгалтерии расходных материалов, главного бухгалтера, начальника секретных сообщений и материально ответственной группы.

— Бухгалтер вам зачем? Он, кроме заклинаний, ничего не выдает!

— Так надо! — упорствовал завхоз. — Сначала соберете подписи, потом заверите у нотариуса, а завтра с утра заглянете ко мне. Если не буду занят инвентаризацией, то, вероятно, подумаю на досуге, стоит ли вам выдавать редчайшие инопланетные материалы, являющиеся для нас поистине бесценными!

— Зубы не заговаривай! — вспыхнул Лофьен, сжав правую ладонь в кулак, точно кого-то душил. Хранитель и Мелодик сразу поняли, кого именно. — Ты, заматеревший пробюрократичный инструкциедум с болезнью вахтеризма в четвертой стадии, слушай меня внимательно и не говори потом, что ты не слышал!!! Ты уволен!!!

— Не имеешь права!!! — прокукарекал завхоз.

Лофьен сунул ему под нос свои документы и отчеканил:

— Мои полномочия дают мне право на эту приятную возможность!!!

— Я должен позвонить начальнику! — не сдавался завхоз, взглядом пробегая по документам. — Подделать факсимиле — пара пустяков! Без телефонного подтверждения ничего делать не буду!

— Дать трубку? — предложил Хранитель. — Или так зашвырнуть?

— Я со своего! — отказался завхоз. — Чужим телефонам не доверяю, вы можете продублировать любой голос и ввести меня в заблуждение! И даже если эта бумажка на самом деле подлинная, она не освобождает вас от сбора подписей!

— Лофьен, в чем дело? Я полагал, что в главном отделе СОБ нас не будут пинать, как футбольные мячики, из одного кабинета в другой.

— Я сам поражаюсь нынешним порядкам! В нашем мире так не поступают!

Завхоз набрал номер телефона, приложил трубку к уху и, чтобы никто не услышал или не прочитал по губам, о чем он говорит, прикрыл рот рукой. Это его не спасло. Голос на том конце провода прогрохотал, как Ниагарский водопад, и лицо завхоза приобрело пепельный оттенок. Образно выражаясь, ему только что пробили пенальти. Он испуганно бросил трубку и впился в Лофьена убийственным взглядом. Тем не менее, сдавать позиции без боя он не собирался.

— Ваша взяла, господа нехорошие! Но подписи вы все равно должны собрать! — мстительно заявил он. — Вот вам бланки в трех экземплярах, и чтобы быстренько собрали все подписи. Для этого вам нужно пробежаться на седьмой и двадцать третий этажи, вернуться на седьмой, попасть на третий, потом на семнадцатый, девятнадцатый, сорок второй, обежать там всех поголовно и после этого вернуться ко мне.

— Куда столько? — Лофьен прикинул, что до звонка подписей нужно было куда меньше.

— А вот так надо! Отчетность не терпит упущений в контроле! Торопитесь, у меня работа заканчивается через полчаса!

— И за что вас только взяли на работу? — бросил Хранитель. — Изувер!

— Я нахожусь на своем месте! — гордо ответил завхоз. — И готов работать без ежемесячных заклинаний исключительно ради пользы.

— Чьей пользы?

— Общей.

— А мы в эту общность не входим? — поинтересовался Лофьен.

— Нет!

— Почему?

— Многого хотите! Не спрашивайте у Родины, что она для вас делает, спрашивайте, что вы можете сделать для нее! — патетично и непонятно в честь чего воззвал он.

Хранитель театрально вознес кроткие очи к небу.

— Родина, я могу его придушить?! — эмоционально, хватая опешившего завхоза за грудки, выпалил он. — Ради общего блага?

— Не можешь! — хмуро ответил Лофьен. — Она мне первому обещала.

— Отпустите меня!!! — Завхоз с явным намеком демонстрировал свои часы, напевая дрожащим перепуганным голосом: — А время, а время идет себе, идет!.. Вы не успеете обежать все кабинеты! А завтра я уйду в отпуск! Принципиально. Не нравитесь вы мне, подозрительные вы какие-то!

Лофьен достал трубку и подключился к телефонной сети.

— Да? — слышался голос Четвертого.

— У нас требуют подписи!

— Разумеется, — согласился Четвертый. — Отчетность — святое дело. Без этого никак не обойтись.

— Времени нет на бюрократию!

— Это мелочи. Скоро к вам самим будут километровые очереди выстраиваться. Вот и оторветесь по полной программе на тех, кто вам мешает. Чьи подписи вам нужны?

Лофьен повторил длинный список, ни разу не ошибившись в порядке. Четвертый озадаченно кашлянул:

— Ждите!

Через три минуты коридор заполнился толпой взбудораженных начальников, готовых поставить свою подпись на чем угодно, хоть на полу или на потолке, лишь бы побыстрее

отчитаться о проделанной работе. Завхоз потерял дар речи. Бланки пошли по рукам со скоростью метеорита. Не прошло и минуты, как все необходимые подписи были собраны. Лофьен с сияющим лицом протянул их завхозу. Тот промышчал нечто нечленораздельное, уловив, что случилось невозможное: начальники бегали за бланками, как первоклашки друг за другом на перемене, вместо того чтобы гонять друг к другу просителей.

Ящик с образцами плодов кремниевых растений перекочевал со склада в руки агента.

— Что бы мы без вас делали?! – сказал напоследок Лофьен.

— Мучились бы! — уверенно ответил завхоз, принимая его фразу как извинение.

— Давно бы на лаврах почивали! — не разделил его оптимизма агент. — А вы не медлите, собирайтесь в отпуск, и сразу на поверхность! Там такие дела творятся, заскучать не успеете! Только и будете успевать километры наматывать на сафари.

— Я не охотник! — буркнул, как плюнул, завхоз. — Мне звериные фото даром не нужны!

— А кто сказал, что вы будете охотником? — возразил Хранитель. — Там киборги охотятся за людьми. И, пока вы препирались, еще четыре города были захвачены!

— ??? – Завхоз не был в курсе последних событий. Под землей проблемы с поверхности ничего не значат.

— Вот что я вам посоветую! — сказал Лофьен. Ящик перекочевал от него к Хранителю, от Хранителя к Мелодику, а на последнем (к большому сожалению Мелодика — ящик тяжелый) цепочка закончилась. Пришлось поставить ящик на пол. — Когда людей останется не больше сотни, некому будет представлять закон, и вас на самом деле отправят в мир иной те, кого вы достали своими действиями. Так что срочно пишите извинения и готовьте щедрое завещание. Пошли отсюда, друзья!

Завхоз громко захлопнул за собой дверь.

Мелодик посмотрел вслед уходящим, толкнул туфлей ящик, но легче не стало.

— Господа! — воскликнул он. — Вы хотите, чтобы наш будущий спаситель человечества надорвался на тяжелой физической работе раньше времени и погиб мучительной смертью до того, как успеет наделать кремниевых ягод? Протяните ему руку помощи, садисты, пока не стало слишком поздно!!!

“Господа садисты” медленно повернулись. Мелодик скрестил руки на груди.

...Как весело иногда бывает нести ящик!

Угадайте, кто его несет?

Вы уверены?

Лофьен и Хранитель несли ящик вдвоем за боковые ручки, к месту и не к месту упоминая обленившуюся молодежь. Мелодик согласно кивал — пусть ругаются на здоровье, лишь бы

ящик не бросили.

— Куда несем?

— На стадион! Там места много и народа никогда нет! Никто мешать не будет!

В ящике были сотни ячеек, содержавшие огромное количество самых разных материалов. Мелодик достал пинцетом крохотное зернышко кремниевой редиски и округлил глаза:

— Я должен вот этим забить стадион под завязку? Да я буду до самой пенсии заклинание повторять!

— А для чего тебе выдали вот это? — Лофьен подбрасывал в руках молодильное яблоко, совершенно неотличимое от обычного. — Как состаришься, перекусишь яблочком, и порядок! И потом, что нам мешает наделать тысячи ящиков? Заложим ими вход на склад, и пусть завхоз ломает голову, как оформить разросшийся подотчетный материал, когда оттуда выберется. Кроме того, ты теперь — всеильный маг, и что тебе стоит наделать свои копии?

— А потом мы всей толпой заявимся ко мне домой, и родители сойдут с ума, пытаясь накормить многочисленную ораву, состоящую исключительно из их собственного сына?!!

— А ты еще и юморист...

Хранитель наколдовал три удобных кресла: спасать кремнитов от продовольственного голода сподручнее при наличии не лишнего в таких делах личного комфорта. Через минуту первое яблоко опустилось на землю. Хранитель и Лофьен повторяли заклинание за Мелодиком, пока не выучили его наизусть, и работа закипела с утроенной силой.

Через десять минут яблук стало достаточно для того, чтобы заполнить ими приличных размеров деревянную тару. После этого работа пошла значительно быстрее, и через два часа стадион был забит яблоками так, как никогда не будет заполнен болельщиками. Возвышаясь на высоту тридцать метров, ящики крепко держались друг за друга с помощью обмагничивающего заклинания, а усталые говоруны откинулись на спинки кресел и молчали: говорить не хотелось вообще, язык попросту отказывался ворочаться.

— Мы забыли одну мелочь! — кое-как выговорил Мелодик.

— Какую? — Лофьен с завистью вспоминал мыслепередатчик Агриана: вот кому не надо языком шевелить, счастливчик!

— Не отправили яблоки на экспертизу!

Они прикинули, сколько тысяч тонн яблок раскинулось перед ними. Если они не кремниевые, то кое-кому до самой смерти придется есть одни яблочные пироги и запивать их яблочным соком, чуть позже вином, а еще позже — яблочным уксусом.

— Сейчас отправлю! — Лофьен заклинанием спустил с высоты ящик, достал яблоко, созданное последней серией заклинания, и добавил к нему самое первое. (При многократном перекопировании яблук с помощью обычного заклинания их качество упало бы невероятно, и именно поэтому заклинание Мелодика выводило развитие колдовства на новый уровень.) Прикрепил к хвостикам свернутую вчетверо записку с просьбой немедленного ответа о

результатах и приказал им катиться в лабораторию, не останавливаясь, пока они не докатятся.

Ответ пришел быстро: химики из окон лаборатории отлично видели, как в небо поднимается яблочный склад, и знали, что к чему. Яблоки разрезали на микронные дольки и исследовали по химическим, физическим и прочим параметрам, какие могли придумать, сравнили разрезы в электронном микроскопе и проверили идентичность ДНК. Полученные результаты сравнили между собой и решили никаких бумажек Лофьену не высылать. Лаборанты открыли окно и выставили на подоконник громкоговоритель. Профессор подхватил микрофон, и усиленный динамиком возглас разнесся по всему подземелью:

— Да-а-а-а-а-а!!!

Троица яблочных создателей услышала, переглянулась и радостно закричала.

Солнце над ними темнело и превращалось в луну.

А где-то далеко-далеко к воюющим друг против друга киборгам, волкам и колдунам присоединился лунный тираннозавр, многократно усиливая вечернюю потеху.

— Выставьте охрану вокруг стадиона! — приказал Четвертый, глядя в окно на заполненный ящиками стадион. — Я не желаю оказаться перед пенсией в роли воспитателя детского сада.

— Они не станут! — возразил Второй. — К тому же их всего трое...

— Они не станут! И мы не станем! — согласился Четвертый. — Остается полторы тысячи человек из управления, которые станут.

Третий поднял трубку телефона.

— Очень давно! — выжал из себя Кашей.

— Я сразу понял, что ты вернулся, когда услышал про меч-кладенец. Помнишь, мы вместе работали над его созданием? — спрашивал кремнит. — Почему ты исчез на столько лет? Нам пришлось свернуть и многие исследования. Вот и киборгов сумели создать совсем недавно. А ведь без твоей помощи их не было бы вовсе!

— Это длинная история... — Кашей вытер со лба проступивший пот: он почувствовал, что впервые за много лет испытал забытое чувство растерянности от уходящей из-под ног почвы.

— ...Вот и весь сказ, — закончил он.

Кремнит слушал его, не перебивая. Дела давно минувших дней выстраивались в понятную логическую цепь, и он был потрясен развернувшимися перед его мысленным взором титаническими битвами.

— Жаль, что так случилось с твоим миром.

— Теперь это старинные предания, Тор, — ответил Кашей. — Легенды доисторических

времён.

— Кому как! — засмеялся кремнит. — Для меня прошло всего несколько лет. А сейчас ты хоть что-то вспомнил?

— Многое. Но, если не возражаешь, мне хотелось бы сначала разобраться с современными проблемами. Я слышал, вы здорово поцапались?

— Слабо сказано! Колдуны стащили у нас весь урожай буквально всего. Мы чудом сумели сохранить и посадить кое-какие семена, но моему народу грозит гибель от голода. Мы не в силах прокормить всех.

— И потому решили унести колдунов с собой на тот свет? — догадался Кашей. — А я-то думаю: что это киборги с такой тщательностью гонятся за каждым колдуном и не успокаиваются, пока не сведут его в могилу?

Кремнит кивнул:

— В какой-то мере ты прав. Почему мы должны жалеть колдунов, если они обрекли нас на вымирание? Но, с другой стороны, первостепенная задача киборгов — найти украденное. Конечно, то, что они успели обнаружить, иначе как мешаниной не назовешь, но на безрыбье и рак рыба.

— Что может вас остановить?

Тор пожал плечами:

— Как и раньше — возвращение украденного, плюс куча извинений.

— Это подойдет в качестве извинения? — Кашей протянул кремниту свернутый вчетверо акт о капитуляции. — Вообще-то он мой собственный, но, ради дружбы, могу и уступить.

Тор вчитался в текст, после чего посмотрел на Кашея округлившимися глазами.

— Как ты это сделал?!

— Оказался на нужном месте в нужное время! — Кашей представил лица колдунов, когда они узнают, что он “перекапитулировал” их кремнитам. — А насчет возвращения украденного... Появился у них очередной гений, вроде меня в молодости, обещался все исправить. Короче говоря, завтра с утра должны появиться первые результаты. Вы будете готовы приостановить военные действия после удачного исхода эксперимента?

Тор какое-то время стучал пальцами по столику.

— Разумеется, — ответил он. — Если это не будет обман.

Кашей неожиданно расхохотался.

— Ты слишком нервничаешь, Тор! — сказал он. — Если они обманут вас, это будет последний обман за всю историю их существования. Не каждая шутка того стоит.

— Трудно возразить! — согласился кремнит. — В таком случае, ждем завтрашнего утра. Если совет убедится в правдивости твоих слов, мы объявим перемирие. Остальное будет зависеть от них.

Кащей согласно кивнул.

— А пока мы ждем, — попросил он, — ты не расскажешь мне, что за великаны живут в этом крохотном домике?

— Великаны?! Здесь?! Это обычное восьмиэтажное...

— Двухкилометровое!

— ... здание! Каждый этаж — три с половиной метра.

— Ага! Значит, то, что выше, — обычная крыша?

— Необычная. Это солнечные батареи для работы ускорителя времени. Здесь работают военные, которые координируют действия киборгов. Я в их числе. И нам нужно быть в курсе событий прямо сейчас, а не годы спустя.

— Так ты теперь военный? Ты же был ученым!

— Ты тоже им был до потери памяти.

— В таком случае, напомни инвалиду, как мы контактировали тысячи лет назад, если у нас разные плоскости существования?

— Ты не поверишь! — Кремнит наклонился к Кашею и понизил голос. — Ускоритель времени, — шепотом проговорил он, — твое изобретение. Каждый, как вы говорите, кремнит знает это с самого рождения!

— А почему шепотом? — насторожился Кащей.

— Так загадочнее.

— Тьфу... Тор, елки-палки, я тут от любопытства сгораю, а ты хохмы хохмишь!

— Ладно, слушай... — Кремнит откинулся назад и заговорил нормальным голосом: — Ты стал первым человеком углеродного мира, с которым мы общались. А я был первым, на кого ты наткнулся, пробив вход в наш мир, и на которого через полтора года напялил времяускоритель. Ты придумал первую портативную модель, к сожалению, маломощную и требующую частой подзарядки. В итоге мы заключили договор, согласно которому колдуны получали от нас кремниевые материалы, а мы получали от вас помощь в создании полезных приспособлений и механизмов.

— Зашибись! — пробормотал Кащей.

Тор засмеялся:

— Леснид... э-э-э... или лучше Кащей?

— Как пожелаешь.

— Каково чувствовать себя бессмертным?

— Незабываемо. Особенно Смерти! — ответил Кащей. — Она об меня тысячи кос поломала!

— Создай для нее косу-кладенец! — предложил Тор. — Она тебе по гроб жизни будет благодарна.

— Хватит с меня гробов...

Мелодик, Хранитель и Лофьен, едва успев передохнуть от трудов разговорных (на языках чуть мозоли не натерли), отправились в Отдел Разведывательной заброски.

— Мы готовы! — сообщил оператору Лофьен. — Пеленгуй Странника и высылай ему по адресу посылочку со свежими фруктами.

— Будет сделано! — Оператор весело потер руки.

— А где остальные? — дошло вдруг до Лофьена. — Вас восемь человек должно быть, а не два!

— Там они! — Оператор махнул рукой в сторону стадиона.

Прознав про гору молодильных яблок, многие в управлении решили попытать счастья и проникнуть на территорию стадиона через двойное кольцо оцепления. Четвертый не зря беспокоился об охране. В каждом Отделе находились смельчаки, решившие омолодиться на халяву, и в результате пытавшиеся замаскироваться от охраны отвлеченными действиями и разговорами (окучивание кустиков, подметание дорожек — настоящие дворники с ума сходили от наплыва желающих навести чистоту на подшефной территории своими руками, без использования заклинаний) сотрудников СОБ набралось столько, что яблоку упасть стало негде. Охранники с возрастающим изумлением пялились на прибывающий персонал, пристально всматривающийся в кольца в поисках малозаметной брешки, старательно избегавший прямых взглядов на ящики с яблоками, отбиравший друг у друга метлы, азартно подметавший мусорные кучки от одной метлы к другой по сотому кругу и окучивавший землю под десятком излохмаченных кустиков до состояния сахарной ваты. Какие-то клоуны с надувными шариками наматывали вокруг оцепления далеко не первый круг на тележке-самокате, и трое липовых ревизоров гневно размахивали подделанными на высоком полиграфическом уровне пропусками на территорию стадиона. Кто-то организовал подкоп, и охранники, чувствуя примерно то же самое, что и дворники, постоянно ставили на пути “кротов” подземные силовые поля.

— Куда переправить?

Лофьен назвал координаты. Оператор нажал на несколько кнопок, подождал минуту, и на мониторе появилось слабое-слабое, с жуткими помехами, изображение. Сквозь водопад помех удалось разглядеть, что перед ними сидит Кашей собственной персоной, а рядом с ним неизвестный в скафандре. В отдалении стояла большая толпа киборгов и кремнитов. Все ждали. И от результатов того, чего они дождутся, зависело, прекратится ли нападение киборгов на колдунов, или обреченные умирать от голода кремниты унесут с собой в могилу и все колдовское сообщество на захваченных и захватываемых планетах.

— Готово!

Ровно в девять утра перед Кашеем и Тором, использовавшим индивидуальный ускоритель с таявшей на глазах энергией (часа на два хватит, не больше), сидевших на креслах в пустующем

овощехранилище, из воздуха появился переместитель, и ровно через три секунды из него фонтаном хлынул поток зеленых ароматных яблок, рассыпавшись по хранилищу зеленым озером,

— Пунктуальные! — уважительно сказал Тор.

— Проверь, кремниевое яблоко или углеродное?

— Одними яблоками сыт не будешь! — возразил Тор, вгрызаясь в яблоко. — Даже если их слишком много. М-м-м! А ничего, сладкие!

— Итак?

— Мы объявим перемирие на двенадцать часов! — ответил Тор после совещания. — И будем продлевать его каждый раз еще на двенадцать после получения новой партии продуктов.

Аналитики, разобравшись с заклинанием Мелодика, переключились на Агриана, над которым упорно колдовали до сих пор. Хорошо колдовали, создавая все новые и новые варианты заклинаний. Работа затянулась далеко за полночь, а к чему они привела, обнаружил ранним утром один агент, заскочивший в отдел здравоохранения и обнаруживший, что на разбросанных по всему отделу кипах бумажных листов, на досках, стенах и даже на полах написаны бесчисленные перечеркнутые и исправленные формулы, а сами колдуны находятся в глубокой отключке.

Как выяснилось позже, аналитики с большим энтузиазмом выслушали, в чем дело, с меньшим энтузиазмом взялись за работу и окончательно потеряли аппетит через три часа бесплодных экспериментов с самыми мощными колдовскими заклинаниями. Но профессиональная злость одерживала верх в борьбе между ночным спокойным сном и беспокойным бодрствованием, и колдуны решили добиться успеха во что бы то ни стало: не поддающиеся исправлению последствия несчастного случая серьезно задели струны их самолюбия.

К утру все валились с ног от усталости, и даже восстанавливающие силы заклинания не могли полностью вернуть потраченную энергию. Решение головоломки требовало немислимых умственных затрат. В четыре утра Агриан готов был плюнуть на голос, лишь бы не видеть мучения колдунов, но, перехватывая их взгляды, понимал, что если выскажет свою мысль, то к пяти минутам пятого его придушат. Либо немного, либо говорящего.

В восемь утра все спали на рабочих местах, как убитые. Но даже во сне колдуны не переставали думать над решением задачи, отыскивая крохотные лазейки к верному решению в непроходимых дебрях неправильных действий.

Директор отдела зашел в кабинет в половине девятого. А пока он стоял среди лабораторного бардака, раздумывая, что тут к чему, одному из колдунов приснилось правильное решение, он с усилием заставил себя проснуться, резко, заставив директора вздрогнуть от испуга, сел и, пока не забыл ускользящих вместе с остатками сна тонкостей, быстро записал формулу, облегченно выдохнул и снова отрубился, рухнув лицом в бумагу.

Директор постоял, подумал, протянул руку за последним исписанным листком, прочитал формулу, положил ее на место, на цыпочках вышел из кабинета, осторожно прикрыл за собой дверь и, не мешкая, отправился на доклад — договариваться об использовании

свежесоставленных формул в медицине.

Дело было сделано: голос Агриана восстановлен.

Утро, Столица парамиров, бывший городок, не переживший нашествия киборгов и присоединившихся к ним несколькими часами позже грозových волков, солнечных зайцев, лунного тираннозавра, а также военно-колдовской авиатехники с прилагающимся боезапасом.

Повсюду были дикие разрушения, дома без стекол и местами без стен, полов и потолков. Следы киборгов, волков и зайцев виднелись везде, где не было следов тираннозавра, материализовавшегося с приходом ночи и растворившегося в солнечных лучах с рассветом.

Отряд колдунов наблюдал за побоищем на относительно безопасном расстоянии, держа наготове созданное аналитиками антизаклинание и приготовившись пустить его в ход, как только от киборгов не останется и следа.

В небо раз за разом взмывал странный заяц в синем костюме с очередным вырывающимся волком в лапах. Волк добивался, чего хотел, и вырывался из цепких лап зайца, но на большой высоте, и падал на землю, чтобы разлететься тысячами крохотных шаровых молний, тут же поглощаемых его сородичами. Лишенные возможности полета простые зайцы выглядели изо всех щелей, висели на плафонах и при виде зазевавшегося волка начинали загонять его в ловушку, размахивая зеркалами на манер дубинок.

Со второй половины ночи киборги беспрерывно расстреливали атакующих их волков, а также колдунов на истребителях, успешно ровняя с землей не поддающиеся подсчету микрорайоны города. Тираннозавр, для которого ни целые, ни разрушенные дома преградой не являлись, хватал волков и киборгов без разбора, внося приличный вклад в общую картину побоища. То и дело кто-то из волков натывался на собственное отражение в зеркале и успевал увидеть, что за спиной шустро устанавливается второе, после чего таял прямо на глазах. Некоторые волки, скумекав, что к чему, сами хватали зеркала и начинали охотиться за зайцами.

Колдуны, видевшие это, медленно съезжали с катушек. Общая паника в их скромных рядах усилилась в тот момент, когда зайцы с волками перестали воевать между собой, а совместными усилиями отыскивали и со скандалами делили новые зеркала. На шум прибежал голодный тираннозавр, звери разбежались кто куда, но возвращались и... начинался довольно оригинальный звериный мордобой. При этом волки не забывали про киборгов, а зайцы — про охоту на волков.

Когда киборгов почти не осталось, а число волков разрослось до угрожающих размеров, к наблюдавшим за баталией колдунам подбежал агент СОБ с телефоном, откуда командный голос приказал: "Срочно уничтожить солнечных зверей!!!"

— К чему такая спешка? — удивился один из колдунов. — Они побеждают, еще чуть-чуть — и мы выиграем!

— Кремниты объявили перемирие!

— Ха! — обрадовался колдун. — Они проигрывают! Никакого перемирия!

— Вы забываетесь! — сурово напомнил командный голос. — Приказы командования не обсуждаются!

— Но это глупо! Мы почти победили их здесь и скоро победим в других местах! Надо лишь каждый раз создавать солнечных зверей и науськивать их на киборгов!

— Дайте мне! — послышался другой голос на фоне непонятной возни: похоже, кто-то пытался отнять телефон у говорившего. Раздался треск молний, и трубка оказалась у него. — Волки достигли критической массы! Еще немного, — и их станет в тысячи раз больше! Они выкачают все электричество и превратят планету в плазмод!

— Во что?!!

В трубке захрипело, и сквозь мембрану высунулся знакомый заяц в синем костюме: — В плазмод, дегенеративный имбецил!

— Чего?! — взвился колдун. Заяц понял, что убеждать словами бесполезно, и перешел к убеждению более весомыми аргументами.

— В ухо получишь! — хулиганисто и более чем отчетливо предупредил он, приближаясь к колдуну на опасно близкое расстояние.

Колдун не растерялся и нажал на кнопку отключения связи. Но заяц не погиб, разделенный на две половины. Он стал в два раза меньше, а через считанные секунды с востока прилетела его бывшая половина, ныне ставшая другим зайцем. Так что по ушам колдун получил одновременно с двух сторон.

Другие колдуны, до сих пор оставаясь в роли зрителей, увидели, что от совместного удара зайцев их колдуна потрясло порцией электричества, мигом развернули листки, вытянули руки, охватив взглядом всех солнечных зверей, и прочитали антизаклинание.

— Не всех сразу, идио... — успели прокричать суперзайцы.

Желтое радужное сияние окутало солнечных зверей, растопило их в одном большом сгустке энергии и унесло уменьшающимся шариком к многострадальной книге в школьную библиотеку Альтаира. Накопленное волками, тираннозавром и зайцами электричество выдавилось из сгустка перед его отбытием одной большой шаровой молнией, продержавшейся от силы секунд пять, а потом с треском взорвавшейся и превратившей остатки киборгов в лужицы расплавленного металла, а развалины города окончательно сровняв с землей.

Наблюдатели как стояли с вытянутыми руками, так и улетели. Их просто снесло воздушной волной.

— Идиоты! — выдохнул поумневший задним числом колдун, кое-как спрыгивая с дерева, где очутилось большинство, здорово напоминая собравшуюся на посиделки стаю ворон. — Надо было уничтожать волков по частям!

Сверху донеслись гневные отповеди, и в колдуна полетел всякий мусор.

Большой торжественный зал в кремнитском городе Талнеркане был заполнен агентами СОБ и кремнитами до отказа. Среди семи тысяч кресел не пустовало ни одно. Повсюду висели флаги Колдовского Союза и Мира кремнитов. Последние до сегодняшнего дня не задумывались над собственной символикой и придумали ее за несколько часов до начала концерта, посвященного Первому Межцивилизационному Съезду. Громкое название тешило

души колдунов, с большой неохотой примилившихся со своим поражением и под тяжелым давлением Кашея признавших кремнитов, как равных по развитию.

В первом ряду сидели основные действующие лица: делегация кремнитов с портативными ускорителями времени (на поверку оказавшихся силовыми скафандрами), руководство СОБ, несколько киборгов, Лофьен, Хранитель, безымянный директор (Кашей пытался узнать его имя, но все звали его “господин директор” и ничего конкретнее сказать не могли, доказав тем самым, что секретность одного человека не уступает секретности многочисленного СОБ), обретший голос, но не расставшийся с мыслепередатчиком Агриан (об этом мало кто знал), довольный собой и своим косвенным участием в области установления мирных отношений Мелодик, отправленный на повышение бывший директор тюрьмы Торион, агент Хитов с сыном Эдиком и, конечно же, Иванушка. Трезор сидеть в кресле отказался, удобно устроившись сбоку от сцены.

Бывшие враждующие стороны подписали договор о ненападении и невмешательстве. С неизбежными в такое время неудобствами считались, как с обязательной ложкой дегтя, и особенно не возмущались. Колдунам пришлось объявить по всем мирам о делах предшественников СОБ, приведших к трагической развязке (как удобно, оказывается, списывать огрехи на прошлое руководство!) и военным действиям на территории нескольких планет.

Телевизионщики старались вовсю, освещая ход концерта в прямом эфире на парамиры Союза, от прожекторов становилось так же жарко, как на открытом пространстве планеты кремнитов.

Конферансье поздравил бывших врагов с окончанием войны, перечислил имена тех, кто непосредственно участвовал в специальной операции — они вставали с кресел под шквал аплодисментов, начиная от Лофьена и завершая мальчишками, чьи действия в конечном итоге привели к ускорению появления на свет всемогущего заклинания, спасшего мир от Второй колдовской войны.

Под конец пришла очередь поблагодарить и Кашея. Конферансье ненадолго замялся, не зная, как его объявить.

— А теперь, дамы и господа, приветствуйте человека, остановившего войну и принесшего мир в наши дома! Это знаменитый, легендарный и, не побоюсь этого слова, сказочный человек, который узнал, что его Родине грозит опасность. Человек, бывший свидетелем Первой колдовской войны и сделавший возможное и невозможное, чтобы остановить разгорающуюся Вторую! Приветствуйте! — Конферансье вытянул руку в сторону кулис. — Вышедший из затерянных во мгле времен легендарный Странник!!!

Кашей вышел на сцену. В своем фирменном костюме, с развевающимся за спиной плащом и мечом-кладенцом на поясе. От грохота упавших челюстей, а чуть позже и от шквала аплодисментов, заложило уши. Люди вставали, и было похоже, что они делают это искренне: всем было интересно посмотреть на живого Странника, но первые ряды встали, чтобы лучше его разглядеть, и остальным тоже пришлось встать, чтобы видеть сцену.

Оркестр заиграл торжественную музыку. Конферансье вызывал на сцену по одному каждого участника, и приглашенные звезды дарили им памятные подарки и вешали на грудь медали. Зал исходился овациями. Следом звучало короткое слово героя дня, и под бурные, продолжающиеся аплодисменты он спускался обратно в зал.

Кащей и здесь остался последним, как главный участник. Конферансье призвал зрителей успокоиться, заговорив проникновенным голосом — профессионал, одним словом:

— Воспитанник Странника, мальчик Иванушка, оказался втянут в грязную игру, организованную бывшим учителем его школы. Мечтавший шантажировать СОБ, бывший учитель Компатибул похитил Иванушку вместе с его одноклассником Эдиком. Ценой нелегких усилий Странник вместе с агентами СОБ, работавшими под руководством специального агента Анри Лофьена, вышли на след похитителя и сумели его обезвредить! Господа, позвольте от вашего имени, от имени агентов СОБ и лично от родителей похищенного с Иванушкой Эдика, поблагодарить Странника, и устроить ему незабываемый сюрприз!!!

На сцену поднялся маршал.

— Уважаемый Странник! — начал он. — Вы сделали очень большое дело, остановив разгоравшуюся межпланетную войну двух цивилизаций... (Аплодисменты.) Не будем сейчас говорить о ее причинах, скажем лишь, что цепь случайных событий, развернувшихся в далеком парамире, Столице древней Империи, привела к тому, что в Столице парамиров создали новейшее заклинание третьего уровня, спасшее наши миры от гибели!!! (Бурные аплодисменты.) А обещанное древними легендами появление Странника привело не к очередному закату колдовской цивилизации, а к ее спасению!!! (Бурные продолжительные аплодисменты.) Благодаря личному вмешательству (а мы с детских лет знаем, что это такое), Страннику удалось приостановить военные действия, и дать нам возможность вернуть ситуацию в конструктивное русло!.. (Овации.) И теперь пришел наш черед отблагодарить Странника за его неоценимую помощь! Господин Странник, когда мы с прискорбием узнали, что вы потеряли память и забыли собственное имя, то перерыли все архивы в самых удаленных уголках Союза парамиров в его поисках и нашли его!!!

(Просто фурор.)

На сцену вышел Хитов, держа в руках старинную серебряную шкатулку. Те, кто ничего не знал про ее свойства и предназначение, продолжали веселиться, зато посвященные сообразили, что на протяжении всего последнего времени их уверенно водили за нос: руководство СОБ от своих прежних планов ликвидации Странника не отказалось. Кащей принял из рук Хитова шкатулку и широко улыбнулся в ответ. Зал зааплодировал, руководство СОБ победно переглянулось, и только оркестр по-прежнему наяривал торжественную музыку, невзирая ни на что.

— Эта шкатулка — работа наших древних мастеров, так сказать, наследие далекого прошлого. Мы тысячи лет хранили ее в музее СОБ, и теперь, зная, что вы являетесь выходцами из одной временной эпохи, решили подарить ее вам! Мы знаем, как приятно человеку заново увидеть вещи из его юности! Ваше настоящее имя выгравировано внутри шкатулки. Правда, это символично? Вы сами откроете ее, как символ восстановления памяти, и прочитаете свое имя спустя тысячи лет после того, как оно звучало в последний раз! Только умоляю вас: не торопитесь открывать ее прямо сейчас! Мы хотели бы, чтобы вы встретились с вашим именем, так сказать, наедине. Возможно, нахлынут воспоминания, а праздник — место для веселья, а не грусти о прошедшем! Мы даже приготовили для вас в подарок личную планету-курорт, где вы в полной тишине и спокойствии сможете предаться воспоминаниям!

— Полностью с вами согласен! — кивнул Кащей, бережно прижимая шкатулку к груди. — Но планета в подарок — это слишком много. Уж лучше я прочитаю свое имя на родной планете, в собственном доме.

— В Столице Империи?

— Нет, — ответил Кашей и уточнил: — В родном доме.

У маршала (и еще у кучи посвященных) мысленно отвисли челюсти: по их меркам, любой человек, которому предлагают в подарок целую планету, должен, как минимум, сойти с ума от счастья, а этот сволочный Странник даже не охнул, да еще, не зная этого, пошел наперекор заранее расписанному лучшими психологами секретному плану его обработки!

— Может, лучше на курорт? — Маршал сделал вторую попытку: сокровища Империи (особенно приборы “Странник” и “Феникс”) оказались в большой опасности. Он уже придумал, как использует “Феникс” ради собственной выгоды, а тут такая лажа вырисовывается!!!

— Да нет, — вторично отказался Кашей, — дома как-то привычнее. К тому же, у меня там уже есть отличное места для отдыха. По ночам, правда, на свежий воздух выходить опасно, но зато днем...

— Послушайте, Странник, вам дарят, в знак благодарности, целую планету, а вы отказываетесь!!! — сорвался маршал: радужное будущее блекло не по дням, а по секундам. — Это крайне невежливо с вашей стороны!

— Да я в общем-то и не отказываюсь, — сказал Кашей, — просто решил попасть на нее тогда, когда ко мне вернется память. Отдыхать намного удобнее, если прошлое не подкидывает неприятных сюрпризов...

Праздничный концерт продолжался, но маршалы слушали его вполуха, усиленно ломая голову над тем, как выкрасть или подменить шкатулку до возвращения Кашея домой, пока он не уничтожил свой мир (иначе говоря, сокровища Империи) ко всем чертям.

Вечером состоялось заседание руководства СОБ. Присутствовала там и работавшая над поиском детей команда агентов и школьных работников.

Кашей, как внештатный руководитель СОБ (именно такую должность он себе пробил, невзначай помахивая секретным актом о капитуляции перед носами перепуганных маршалов), держал слово.

— Я готов поделиться с колдунами некоторыми вещами старого мира, — говорил он, поглаживая рукой серебряную шкатулку, лежавшую перед ним на столе (на отчаявшихся маршалов, чьи попытки ее украсть не возымели успеха, невозможно было смотреть без слез), — после их тщательной ревизии и проверки: как-никак антиквариат!

— Вы заберете Иванушку с собой? — спросил директор.

— Да! Этот вопрос обсуждению не подлежит.

— Но почему? — не сдавался директор. — Из него может выйти отличный составитель!

Остальные его поддержали. Сам Иванушка молча сидел у окна и, казалось, не обращал на споры относительно его персоны никакого внимания. Хотя даже Трезор прислушивался к беседе.

— Потому что я до сих пор не знаю ваше имя! — ответил Кащей. — Согласитесь, отдавать ребенка в школу анонимного директора как-то странно.

— А кстати, господин директор, я тоже не знаю, как вас величать! — подал голос Лофьен.

— Мое имя — Мар Гулис! — ответил директор. — Ничего секретного в этом, конечно, нет. Но есть одна проблема.

— Какая?

— Мар Гулис — это одновременно и имя, и заклинание.

Небольшая пауза.

— Так вот в чем дело! И что делает ваше волшебное имя?

— Земляничные поляны, — вздохнул директор. — С большими-большими спелыми ягодами!.. Теперь вы разрешите мальчику учиться?

— Иванушка, подойди сюда! — попросил Кащей. Иванушка встал рядом. — Мы с ним поговорили до заседания с глазу на глаз и обсудили, как поступим дальше. Я ничего не имею против его учебы в школе. Но я хочу, чтобы он учился здесь не как пленник, а как приглашенный на учебу ученик. Поэтому я возвращаюсь домой вместе с ним, после чего он получает- или не получает — согласие ближайших родственников на учебу. И если получает, то возвращается сюда, как свободный человек.

— Что будете делать вы?

— Я тоже улетаю. Надо разобраться с волшебными вещами, уничтожить вампиров... да мало ли что еще будет впереди? Кроме того, надо будет установить дома межпространственную систему связи "Кремень".

— Мы могли бы вам помочь очистить планету от вампиров, — предложил Лофьен. — У нас есть отличные бойцы, я узнавал.

— Нет, я не хочу рисковать! — отказался Кащей. — Стоит одному из них укусить одного из вас, как получится два их и ни одного вас. Считайте, что моя планета находится в зоне карантина. А у вас, я считаю, и так много работы: восстанавливать продовольственный запас кремнигов.

— Когда вы переброситесь?

— Сегодня вечером.

— Уже вечер.

— Значит, нам пора! — Кащей встал. — Иванушка, Трезор, мы возвращаемся! Попрощайся с другом.

Иванушка подошел к Эдику.

— Вот и все! — сказал он. — Но я скоро прилечу.

— Тебя точно отпустят? — засомневался Эдик.

— Пусть попробуют не отпустить! Я их томатным соком залью по самые крыши!!!

Они пожали друг другу руки на прощание.

Кащей взял шкатулку подмышку (маршалы втихаря заскрипели зубами) и вышел из зала. Иванушка нес с собой подаренную мстительным Хранителем книгу “Солнечные звери”: пусть узнает, в какие неприятности втравил кучу народа! А Трезор весело сверкал глазищами, наводя на колдунов панический страх.

Перелет через параллельные миры в обратном направлении не был таким богатым на приключения. Короткая встреча с королем Минком, небольшой отдых, и вот ковер-самолет уже вылетает из тоннеля в тронный зал дворца.

На мрачный город Славноград спускались сумерки.

— Это вампиры так сделали? — спросил Иванушка, рассматривая покрытые копотью стены и потолки. Сквозь пустующие оконные рамы проглядывали серые дождевые облака.

— Это я учил их летать! — ответил Кащей. — Настырные ученики попались, до самого рассвета крыльев не покладали!

Ковер вылетел на улицу и остановился. Трезор принялся и гавкнул: из-за укрытия, вытянув перед собой руки, навстречу им поплелся худющий изможденный вампир. Кащей не стал выхватывать меч-кладенец — настроение было непривычно мирное.

— Отвернись! — приказал он Иванушке, прицеливаясь из микроарбалета.

Выстрел — и захотевший покончить с диетой вампир отправился в полет на все четыре стороны. Ковер взмыл над облаками.

Через несколько часов путешественники увидели сквозь плотную мглу пасмурного неба сверкающие точки электрических ламп замка. Кащей разбудил Иванушку.

— Смотри, сейчас мы их всех перебудим! — сказал он, нажимая комбинацию кнопок на электронном пропуске и крича в микрофон сочиненное экспромтом: — Злой Кащей вернулся к вам!!! Кому вдарить по зубам? Бам-бам-бам.

Они пролетели сквозь еле видимое защитное поле — оглушительно ревела звуковая сирена — и приземлились перед выходом. Ворота замка открылись, и навстречу им выбежали царь, царевичи, Бабай да Аленушка с Марией. Позади ковыляла уставшая Яга. А из окон выглядывали десятки любопытных и хорошо вооруженных лиц. Иванушка слез с ковра и побежал к сестре.

Кащей посмотрел на Трезора.

— Ну вот мы и дома, — сказал он. — Видал, что творится: стоит улететь на две недели, как тут уже общежитие устроили! Как ты думаешь, они успели запустить руки в мой золотой запас, или ждут моего разрешения?

— А что они с ним будут делать? — спросил Трезор.

Кащей усмехнулся:

— Обладая золотом, можно ничего не делать...

<http://tl.rulate.ru/book/2249/43137>